

Анна Гурова



Мастер иллюзий

Он способен видеть
сквозь поверхность зеркала...

Анна Евгеньевна Гурова
Мастер иллюзий
Серия «Князь Тишины», книга 3

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19891719
Мастер иллюзий: Avtorskie-txt; 2019*

Аннотация

Мастера Чистого творчества всего Питера в ужасе – неизвестно как и откуда появился новый домен. Его называют Пятно Страх. Никто не знает, кто его демиург; туда невозможно добраться; домен окружен устрашающими неживыми стражами; и самое главное – он быстро растет, и на его территории угасает Дар.

Геля, которая как раз безуспешно пытается сдать последний выпускной зачет, получает странное и опасное задание – проникнуть в Пятно Страх и найти того, кто его создал...

Содержание

От автора	4
Часть 1. Территория страха	6
Глава 1. Вопрос без вопроса	6
Глава 2. Озарение Костика	14
Глава 3. Чужой домен	24
Глава 4. Черные нитки	31
Глава 5. Матовый, прозрачный, зеркальный	41
Глава 6. Город-призрак	49
Глава 7. Встреча в метро	63
Глава 8. Выпускной вечер. Прощальная речь Костика	75
Глава 9. Отпечаток кровавой ладони и макаронное дерево	88
Глава 10. Японская макака	98
Глава 11. Тайна Саши Хольгера	106
Глава 12. Встать лицом к страху	120
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Анна Гурова

Мастер иллюзий

От автора

Пожалуй, центральная идея этой завершающей книги трилогии – темная сторона творчества. А что, есть такая? А вот увидите.

Что еще есть в «Мастере иллюзий»?

Лихие приключения в школе Чистого Творчества, как же без них-то).

Фирменный сюрреализм. Его не меньше, чем в предыдущих двух книгах.

Рассуждения о магии и философии творчества. И эксперименты на себе, разумеется).

Изощренная интрига.

Любовь там тоже есть. Это уже не та ошеломляющая встреча с первым настоящим чувством, которая была в книге «Князь тишины». Тут Геля немного повзрослела, и ее начал мучить другой вопрос: а что вообще такое, эта ваша любовь? Что делать, когда ты с кем-то вполне счастлив в отношениях, но при этом почему-то готов жертвовать собой ради другого, от которого тебе одно горе и проблемы?

Ну и куча вопросов, которые вечно актуальны для шест-

надцатилетних (да и не только для них). В чем мое призвание? Куда дальше? А если я не знаю, и меня вообще ничего не интересует? А если родители заставляют? А если я знаю, но боюсь, что не смогу? А если я твердо выбрал свой путь, но окружающие от него в ужасе?

И в конечном счете – об отваге идти своим путем, не разрушая все вокруг и себя, о плате за независимость, о настоящей дружбе, об обретении силы.

Часть 1. Территория страха

Глава 1. Вопрос без вопроса

– Годится, – сказала Антонина, придирчиво осмотрев полянку и окружающий ее березняк. – Так... Полнолуние. Ветер северный, умеренный. Спортсменов, собачников, пьяных компаний с магнитофонами и бомжей поблизости, вроде, нет. Группа, стоять.

Учительница остановилась в центре поляны вытащила пачку сигарет, зажигалку, и принялась закуривать. За ее спиной зашуршали материалисты из нашей экзаменационной четверки, выстраиваясь полукругом. Все сосредоточенно молчали, готовясь блистать знаниями либо навыками – уж как потребуется. Откуда-то приятно пахло костром – в Удельном парке жгли прошлогодние листья. Вечерний майский ветерок блуждал между березовых стволов. Редкие острые травинки, проткнувшие плотный слой мертвых листьев, казались ярко-зелеными искрами в лучах заходящего солнца.

Антонина глубоко затянулась, выпустила облачко воющего дыма.

– Сегодня – наш последний пленэр, – заговорила она своим громким каркающим голосом. – Формально ваше обуче-

ние закончено. Курс пройден, выпускные экзамены сданы – остается только получить диплом. Спрашивается – за каким чертом я притащила вас в эти симпатичные березки... Кто-нибудь из вас знает, что такое карты Таро?

– Ну, я слышал, – сказал Костик Малевич после долгой паузы. – Только как в них играть, не знаю.

– Это гадательные карты, – облила его презрением Антонина. – В одном из раскладов Таро последняя карта считается картой из другого гадания. Следующего, которое будет когда-нибудь потом. События, на которые она намекает, относятся к неопределенному будущему. Как первый шаг в неизвестность. Наше занятие – такая последняя карта. Поняли намек?

Четверо присутствующих с умным видом промолчали.

– Наше последнее задание, – продолжала Антонина, – будет несколько необычно... Чтобы вас не сбивать, я даже не стану его формулировать...

Экзаменующиеся молча хлопали глазами.

«Опять начинается, – уныло подумала я. – Загадки, невыполнимые задания вперемешку с воплями „бездельники!“ и „выгоню на фиг!“... И даже помощи попросить не у кого...»

Не знаю, какой гад составлял эти экзаменационные четверки, но в мою попали ребята с курса, с которыми я не то, что не дружила, а вообще почти не общалась. Как колода карт – перемешали и вытянули первые попавшиеся.

Вот Лена (или Оля), фамилию не помню – кудрявая блон-

динка чуть постарше меня, с безмятежным лицом мадонны. Лену-Олю я легко могу представить тридцати-сорокалетней, ласково смотрящей на собственных детей, но уж никак не демиургом, творящим миры... Свитер на ней малиновый и дымчатый, как этот закат над берегами. Приятная девчонка. Но о чем с ней разговаривать – даже не представляю.

– Самое время подвести кое-какие итоги, – задумчиво продолжала Антонина. – Что дало вам художественное училище, помимо скудного общеобразовательного курса и кое-каких ремесленных навыков, с помощью которых вы будете зарабатывать себе на хлеб с маслом? Да, мне тут подсказывают – Чистое Творчество. Вы считаете, что стали обладателями уникальной специальности – мастер реальности. Вы считаете, что обрели способность творить материю силой воли и воображения. Подчеркну – считаете...

Другая девчонка из группы, кажется, Галушкина (тут как раз наоборот, не помню имени) – вот уж редкостное чучело. На курсе материалистов она гадкий утенок. Тощая, нескладная, ходит как-то крадучись. Волосы короткие, с одного боку торчат, с другого зализаны. Нос длинный, острый, бессмысленные птичьи глаза. Ни с кем не общается, все время молчит, и вдруг иногда покраснеет и что-то ляпнет – обычно невразумительно и невпопад. Ничего не умеет. Учится хуже всех – как ее до сих пор с курса не выгнали? Единственное, что она может сотворить быстро и ловко – какие-то заросли. Кустики, веточки, завитушки – как будто хочет спрятаться

от всех за живой изгородью. То колючки, то цветочки, то колючки с цветочками. Сейчас, вроде устали на Антонину птичьим взглядом, а сама уже что-то растит потихоньку. Вон выюнок из земли попер... По-моему, это никакое не Чистое Творчество, а просто дурная привычка.

– В эту субботу у вас выпускной. Речи, цветы, выдача дипломов, бал, и прочая дребедень. Вы проститесь с учителями. Наверно, многие из вас этому в глубине души рады – больше никто не будет надоедать своими наставлениями. Детки, вы не понимаете главного! Учитель не говорит вам, *что* делать! Он говорит – *как*. А во взрослой жизни вам не станут объяснять и подсказывать – будут только требовать результат. Задумайтесь...

Третий – Костик Малевич. Такая же наша местная знаменитость, как приснопамятная Погодина, (она, к счастью, уже год как учится в Германии). Тоже потомственный мастер, которому Академия Художеств гарантирована с детского сада. Отличник, красавец, первый парень на деревне. Девчонки по нему, ясное дело, сохнут и вешаются на шею пачками. Но Костик к ним относится как-то насмешливо. Для него главное – Творчество. Я бы даже сказала, он на нем зациклен. Словом, такой весь безупречный, что невольно начинаешь искать в нем тайные пороки. Неспроста он, например, на прошлый Новый год нарядился в костюм оборотня – зубастая маска, перчатки с пришитыми когтями, – и напугал меня до полусмерти, неожиданно выступив из-под темной

лестницы. Ох, недаром был так доволен, слушая, как я ору на все училище...

И последняя в четверке – я, Геля Щербакова, без пяти минут мастер реальности, увенчанный целой гирляндой дисциплинарных взысканий, последний представитель распущенного спецкурса «Д», В прошлом обладательница персонального призрака-консультанта по имени Князь Тишины, особые приметы: синий, ехидный, требует человеческих жертв (только кто ж ему даст); утверждает, что он бывший ацтекский бог дождя, но, скорее всего, врет... Еще я носитель уникального Дара – способности творить из мертвой материи живую, – которым мне официально запрещено пользоваться. После восстановления в училище меня вернули на курс материалистов, где я пахала весь последний год, наравне со всеми готовясь к поступлению в Академию.

– Кто-то из вас пойдет работать по специальности, другие продолжат обучение в Академии Художеств, – разливалась соловьем Антонина. – О тех отщепенцах, кто забросит Чистое Творчество, и подастся, например, в *бизнес* (последнее слово наставница буквально выплюнула, как нечто исключительно неприличное), здесь речь не идет. В любом случае, впереди у вас годы учебы, оттачивания профессиональных навыков. Но вы должны помнить об одном. Когда вы скажете себе: «мне больше нечему учиться» – в этот день одним мастером реальности на свете станет меньше!

Эк загнула... На травке пока посидеть, что ли?

– Антонина Николаевна, можно вопросик? – подал голос Костик Малевич.

– Можно.

– Мастер – это такой человек, который превзошел всех в своей области, верно? Но ведь рано или поздно возникает ситуация, когда учиться не у кого, потому что ты – лучше всех. Разве не к этому должен стремиться любой специалист? Стать первым...

– Стал ты первым – и что делать дальше? – вкрадчиво спросила Антонина.

Костик замялся. Раньше ему эта проблема в голову явно не приходила.

– Не пускать на первое место других, – подсказала я. – Давить конкурентов на корню.

Галушкина захихикала и тут же покраснела, испугавшись, что привлекает к себе внимание экзаменатора.

– Это путь не мастера, а раздувшейся посредственности, – припечатала Антонина. – Настоящий мастер никогда не останавливается.

– Да куда же ему идти дальше, если он уже пришел? – воскликнул Костик, всерьез озаботившись. Как же, для него «стать первейшим из первых» – не абстракция, а вполне конкретное, и даже не очень далекое будущее.

– Этой проблеме тоже посвящено наше занятие, – невозмутимо сказала Антонина. – Ну, давайте еще раз напомним. Помните самое начало? Первый пленэр, вам по десять лет...

– Подражание природе, – подала голос Лена-Оля.

– Ага, вырастить лист лопуха, – проворчала я (у меня с этим лопухом были связаны не очень приятные воспоминания).

– Вот тогда вы, хоть ничего и не соображали, были куда ближе к ответу, чем сейчас, – сказала Антонина. – Но поскольку я все-таки ваш учитель, могу немного подсказать. Мы все минутку постоим, сосредоточимся и послушаем.

Наставница замолчала, и на полянке сразу стало очень тихо. Даже воздух как будто стал чище и прозрачнее. Заходящее солнце сквозит между стволами. Небо яркое, как огонь. И по сравнению с этим небом все в лесу кажется нереальным, сотканным из тумана – ветер дунет, и мираж разлетится, исчезнет...

Взгляд скользит сверху вниз. Какие чистые краски... Нежная майская зелень, потусторонняя белизна коры. Лес – как размытая акварель, на ней скупые штрихи черной туши. Тонкой кистью выписаны черные пятна и полосы на стволах берез. Земля выстлана слежавшимися за зиму сухими листьями. В лучах заката они выглядят коричневато-розовыми – почти того же цвета, что небо, но гуще и теплее. Словно набросаны тонкие битые черепки из обожженной глины, остатки погибшей прошлогодней цивилизации. Высокие березы, окружившие полянку, кажутся полупрозрачными и как будто светятся изнутри. Веет какой-то силой. Какой-то... магией, что ли? Когда смотришь вверх, начинает кружиться го-

лова. Кажется, что березы, наклонясь, внимательно смотрят на тебя сверху. Как бы решая – что бы такое с тобой сделать, возомнивший о себе человек?

– Материя творит себя сама, ежесекундно, ни с кем не соревнуясь, – нарушила тишину Антонина. – Сейчас, весной, это происходит буквально у нас на глазах – как взросление в подростковом возрасте. Прислушайтесь, и вы все поймете. Вам осталось научиться всего одной вещи, без которой никто из вас не станет настоящим мастером реальности... Все, работайте.

Антонина поднесла к глазам свои часы-будильник.

– На выполнение задания – ну, допустим, полчаса. Отсчет пошел.

Отошла к краю поляны и опять закурила, табачная ма-
ньячка.

А мы остались стоять, ошеломленно переглядываясь.

Глава 2. Озарение Костика

– Не въехал... Че делать-то? – совершенно не по-чемпионски ляпнул Костик Малевич.

Я с досадой пожала плечами. Естественно, никто ничего не понял. На лице Лены-Оли – покорное принятие все учительских закидонов. Галушкина стоит и хлопает глазами – могу поклясться, все прослушала.

Прошло пять минут. Шесть, семь. Все стояли с сосредоточенным видом, искоса поглядывая друг на друга – не придумал ли кто что-нибудь толковое. Меня понемногу начинала раздражать злость. Ну ни хрена себе коан! Это даже не вопрос без ответа – это вопрос без вопроса! Сначала догадаться, в чем состоит загадка, а потом ее еще и решить?!

Вдруг Оля-Лена сделала шаг вперед.

– Людочка, готова? – доброжелательно спросила Антонина.

Опаньки... Что-то у меня с памятью. Хорошо, я к ней по имени не успела обратиться.

Людино лицо стало совсем безмятежным, даже каким-то неземным. На мгновение мне показалось, что от нее кругами расходятся волны космической тишины. Подняв обе руки, она сделала плавный восходящий жест, воздух завибрировал у нее между ладоней, и в окружающем мире что-то неуловимо изменилось...

– Вот, – сказала Люда, улыбаясь. – Ну как, правильно?

Я проследила за ее взглядом и наконец обнаружила то, что она сотворила: на краю поляны прежде было две молодые березы, а теперь между ними выросла третья... Достоверность абсолютная – то, чего мне никогда не удавалось. Как на фотографии. И что?

– И что? – со скучной миной спросила Антонина.

С Людиного лица сползла улыбка.

– Н-не угадала?

– Детки, халявы не будет. Незачет.

Люда покраснела и опустила голову. Я сочувственно подумала – сейчас заплачет. Не было еще такого экзамена, чтобы Антонина не довела кого-нибудь до слез. Кроме меня, конечно. Я человек гордый. Спрячусь в каких-нибудь кустах и рыдаю там.

– Работайте, – сухо повторила Антонина. И уточнила: – Мозгами.

Мы сделали еще более умные лица. Костик мыслил столь натужно, так морщился, что, казалось, у него вот-вот лопнет кожа на лбу. Галушкина переминалась с ноги на ногу с таким видом, словно больше всего ее сейчас занимало местонахождение ближайшего туалета.

– То есть, надо понять, какие мотивы у Вселенной, что ли? – рискнула я задать вопрос. – Зачем материя сама себя творит?

Антонина фыркнула.

– Странно слышать такие неграмотные вопросы от ученицы четвертого года! «Зачем» – это из области философии. У художника может возникнуть только один вопрос – «как»?

Ну вот, разозлилась. Антонина всегда злится, когда ученики тупят. Снова вытащила свои сигареты, щелкнула зажигалкой. Настоящий учитель дзэн помог бы ученикам решить загадку с помощью удара бамбуковой палкой по голове. А у Антонины вместо палки – эти чертовы сигареты. Что за дрянь она курит – «Приму», что ли?

Вонючий дым раздражал и сбивал с мыслей. Что за свинство! Все экзамены уже сданы, один ЕГЭ чего стоил, – и теперь все рушится из-за единственного, второстепенного, никому не нужного зачетика по пленэру...

– Антонина Николаева, курить – здоровью вредить! – не выдержав, с вызовом сказала я.

– Что?!

– Вы бы не могли погасить папиросину? Мне дым мешает думать!

– Ангелина! Сейчас я скажу, что тебе мешает думать – это твое невыносимое...

– Вы загрязняете окружающую среду и разрушаете свой организм, – неожиданно поддержала меня обиженная Люда.

– Ах вы экологи недоделанные...

– Я понял! – вдруг громко выпалил Костик.

От неожиданности все мгновенно замолчали.

– Да... организм... природа... – быстро, сбиваясь, как буд-

то не находя нужных слов, понес Костик. – Организм – он так же совершенен, как природа... Когда человек заболевает, задача врача – вернуть ему здоровье, то есть природное состояние, в котором он был до болезни... Никто не пытается переделать человеческий организм, сделать его лучше, чем он создан природой, сделать из него нечто иное! Вывод – материя совершенна. Никто не может переплюнуть природу. В медицине это аксиома – так почему же мы пытаемся улучшать материю своим убогим, ущербным творчеством? Разве не ясно, что эта задача не просто невыполнима – она в корне неправильна!

Антонина слушала его с большим интересом, наклонив голову набок. Как будто он пока говорил все верно, а она ждала, в какой момент он собьется.

Костик замолчал, захлебнувшись потоком слов, и взмахнул руками, словно призывая нас в свидетели.

– Посмотрите, как тут красиво!!! Какое я имею право со своим жалким творчеством, со своей убогой фантазией – вмешиваться в *это*?! Что я могу к этому добавить?

– Вот и подумай, что, – невозмутимо предложила Антонина.

– Ничего! – с глубокой убежденностью заявил Костик. – Только испортить!

– Не сдашь зачет – не получишь диплома.

– И не нужен мне ваш диплом! Я все-е понял...

– Что ты там понял? – утомленно спросила Антонина.

– Я никогда больше не буду заниматься Чистым Творчеством!

Услышав эти ужасные слова, мы все просто окаменели. Это уму непостижимо! Добровольно отказаться от Дара творчества! Дара, который мы все были с детства приучены считать величайшим благом на свете!

Костик раскраснелся, глаза его сияли.

– Чистое Творчество – это ложный путь! – заявил он, торжественный, как пророк.

– Тогда топай отсюда, – холодно сказала Антонина.

Костик даже не обиделся на нее – весь в своих переживаниях, он махнул нам рукой, развернулся и вскоре исчез среди деревьев. Мы с Людой обменялись испуганными взглядами – только теперь стало ясно, что на полянке происходит что-то действительно серьезное.

– Костя! – растерянно окликнула его Люда. – Ты что? Вернись!

– Не останавливайте его, – буркнула Антонина. – Передумает, сам явится.

Я почему-то подумала – не, уже не передумает. Мне показалось что и Антонина это понимала, но вслух, она, конечно, такое не скажет.

Учительница поглядела на часы.

– Остается двенадцать минут. Девочки, готовьтесь быстрее!

Вот и второй незачет. Скоро будет и третий – Галушкина,

ясное дело, не сдаст. А я? Что можно придумать за одиннадцать с половиной минут?

Быстро – сосредоточиться, мыслить логически. Что Антонина имела в виду, говоря: «Всмотритесь, как материя творит сама себя»? Зачем мы пришли именно в парк? Из аудитории что – не видно?

Антонина опять мнет сигареты... Она сильно изменилась за последние месяцы – ссутилась, усохла, даже ростом, кажется, уменьшилась. Что-то ее гнетет. Не заболела ли?

Болезнь – отклонение от материи идеальной формы. Вылечить болезнь – вернуть материи то состояние, которое она сотворила себе сама...

А что, если из потомственного мастера Костика Малевича, выйдет, например, врач? Тоже в своем роде призвание...

Черт, опять лезут посторонние мысли! Думать о лесе! Но думалось о том, что вчера позвонила Эзергиль и предложила встретиться. И не перезвонила. Эзергиль объявилась недавно после почти полугодового отсутствия: сказала, что учится в универе на математической лингвистике – господи, туда-то ее как занесло... Нет, думать о лесе! Об Удельном парке, где мы сейчас находимся. О Саше Хольгере... Все, это финиш. Теперь я буду думать только о нем.

Ох, зачем мы только поперлись в этот парк?! Надо было пойти на Елагин остров. Нет, здесь, конечно, чище, безлюднее, первозданная полудикая природа... но и навязчивые воспоминания. На самом деле, это просто атавизм. В по-

запрошлом году, когда я была страстно и безнадежно влюблена в Сашу Хольгера, я мечтала, как в начале мая он пригласит меня в этот парк на свидание. Нежные весенние березки казались мне наилучшей декорацией для нашего чувства, которое я сама себе выдумала. Примерно тут – чуть дальше к шоссе, – я потом убежала от мэтра Погодина, коварно принявшего Сашино обличье.

С тех пор многое изменилось. Я давно разлюбила Сашу – вот честное слово, появившись он тут, и даже сердце не затрепещет! Да и не виделась я с ним чуть ли не с прошлого сентября. Мама вроде бы поругалась с тетей Наташей, и они больше не приглашают нас в гости. Но все равно, меня каким-то невидимым магнитом тянет в те места, которые я в сердце связывала с Сашей. Это похоже на погасшую звезду. Самой звезды уже нет, а свет все идет, идет...

– Геля! – пробудил меня рык наставницы. – Не спи! Осталось три с половиной минуты! Девочки, ну что вы какие-то заторможенные?

– У меня сегодня ничего не получится, – сдалась я. – Когда можно пересдать зачет?

– Нет, погоди. Ты у меня так просто не отвертишься! Поняла, в чем состоит задача?

– Смотреть и слушать, как материя творит сама себя, – неуверенно сказала я.

– Так что тебе мешает?!

– Ну... посторонние мысли. Знаете, такой шум и хаос в голове... Это как помехи – уши слишком близко к мозгу, ничего не слышно.

Галушкина опять захихикала.

– Тебя уже четыре года учат контролировать мысли, – устало сказала мне Антонина.

– Тут, наверно, место неудачное. Фон...

– Гелечка, ну так нельзя! Ты пойми – чтобы в тебя нечто попало извне, надо чтобы ему было куда попадать. А если все твое существо забито пустыми, бестолковыми мыслями, то все твое творчество станет не более чем их отражением.

– Ну и что? Разве творчество – не отражение личности мастера?

– Настоящее творчество – нет! Истинный мастер обладает способностью заглянуть за поверхность зеркала. Но до этого вам всем еще как до луны...

– Но сейчас-то что мне делать? – воскликнула я в отчаянии (потому что Антонина проболтала две минуты из трех оставшихся). – Чем слушать? Если мозг мешается?

– Да хоть вот этим, – с этими словами Антонина шагнула ко мне и без предупреждения ткнула меня пальцем прямо в бок. Я аж взвизгнула (щекотно же!), а в следующее мгновение что-то изменилось. В боку как будто появилась дыра, в которую тут же задул холодный наэлектризованный ветер. Тело завибрировало, и сквозь него хлынул звуковой поток, нечто среднее между бульканьем, бормотанием и фарфоро-

вым звяканьем верхних клавиш фортепиано.

– Ч-что эт-то?

– Ухо, – голос Антонины прозвучал как далекий тяжелый гром, – Или глаз – как тебе угодно. Ты хотела ухо подальше от мозга. Пожалуйста. Теперь ничего не мешает?

– Н-нет, – выговорила я, стараясь не прикусить язык, через который с комариным звоном шел слабый электрический ток.

– Тогда работай. Пятьдесят секунд. Отсчет пошел.

– С-сейчас...

Я автоматически закрыла глаза и обнаружила, что они мне уже не очень-то и нужны. Новое ухо-глаз заменяло их на двести процентов. Теперь я поняла, зачем Антонина привела нас в безлюдный парк – в общественном месте я бы сошла с ума за несколько минут. Промелькнула пугающая мысль – а как же я дальше-то буду жить с этим суперчувствительным ухом под мышкой? И сразу ушла – поток звуков-ощущений мощной, плавной волной вымыл ее из мозга, как и все остальные мысли. Материя словно текла сквозь меня, и мне это, пожалуй, даже нравилось. Пространство обретало такие измерения, какие мне и не снились. Я вдруг увидела, что вокруг меня – сотни и тысячи живых и неживых существ, которые меня видят, и более того – некоторые из них чего-то от меня хотят. И не успела я удивиться тому, как условна граница между живым и неживым, как услышала новый звук. Чужой и враждебный. Далекий, зловещий механический рев.

А потом раздались крики о помощи.

Глава 3. Чужой домен

Потом Люда рассказала мне, как все это выглядело со стороны. Несколько минут я стояла на месте, к чему-то прислушиваясь, потом как будто испугалась, а затем, не открывая глаз, очень уверенно почесала через полянку в березняк. Дойдя до опушки, остановилась и взволнованно крикнула: «Держитесь! Я иду!»

Девчонки, не разобравшись, кинулись ко мне, но Антонина зашипела на них, замахала руками – типа, не мешайте! В этот миг я шагнула между двух берез и пропала. Будто растворилась в воздухе.

Никакой перемены я сама не заметила. Просто побежала туда, откуда доносились крики. Не могла не побежать. Тонкие, пронзительные звуки рвали сердце, требовали немедленно что-то предпринять. Слов я не могла разобрать, но интонации были совершенно недвусмысленные. Страх и отчаяние, безнадежный крик в пустоту... В первый миг я даже не подумала – а *кто* это кричит? Призывы раздавались все ближе, теперь они неслись с разных сторон, но вокруг меня были только деревья... А потом березняк неожиданно закончился, и я с разбега выскочила на край обрыва.

Парка дальше не было. Прямо у моих ног земля, перепаханная следами тракторных гусениц, уходила отвесно вниз.

Я стояла на бровке гигантского котлована. Он был так глубокий, что его дно терялось в темноте. Из этой темноты доносился отдаленный механический гул, непонятные стуки, скрежет... И заглядывать туда, а тем более спускаться, не хотелось. Вдалеке, на противоположной стороне котлована – пожалуй, в километре, а то и больше, – светились тысячи огней какого-то незнакомого микрорайона. Солнце уже зашло, небо у горизонта было багрового оттенка венозной крови, перетекающего в вышине в густо-лиловый. Над новостройками всходила ядовито-желтая луна. Первой моей мыслью было: «Что-то рано сегодня стемнело...»

А второй – «Черт! Черт! Как меня угораздило?!»

Безо всяких сомнений, я каким-то образом угодила в чужой домен. Нарушив тем самым сразу три запрета: а) не проникать в чужие домены без ведома и позволения хозяина; б) не творить вне училища, и в) не заниматься демиургией без санкции Антонины.

Тонкие жалобные крики неслись теперь со всех сторон сразу. Может, это призраки?

Несколько минут я растерянно топталась у края пропасти, не зная, что делать. Если это действительно чужой домен, то надо немедленно уносить отсюда ноги, пока меня не поймала с поличным Антонина или местный демиург. Но я просто не имею права уйти, пока не найду того, кто зовет на помощь. Мне не было страшно – видала я места и похуже, – но крики...

Откуда-то снизу на излете пришла волна глухого грохота, напоминающего звук взрыва. Он был таким слабым и отдаленным, что я бы не обратила на него внимания... если бы у меня под ногами не дрогнула земля. Я замерла, насторожилась – и мое новое супер-ухо сработало «на пять».

Пространство затопил стремительно нарастающий шелест, взвыл ветер, и вокруг меня грянул многоголосый вопль. *Предсмертный*, – каким-то шестым чувством поняла я, – и ноги сами рванулись в обратном направлении, в сторону от котлована. В тот же миг земля качнулась и поехала у меня под ногами – в сторону провала. Там, где я только что стояла, зазмеилась трещина. Огромный пласт земли, вместе с растущими на нем березами, оторвался от края и медленно обрушился в темноту. Еще мгновение – и я бы провалилась с ним вместе. Над краем пропасти поднялось облако пыли, крики постепенно затихли, и вскоре их сменил едва слышимый горестный плач.

У меня закружилась голова. Тяжело дыша, я села на корточки, прислонившись спиной к ближайшей березе. Я слышала, как она тихонько плачет, оплакивая своих погибших родственников. В супер-ухе, кажется, застряли последние чай-чьи крики гибнущих берез – я чувствовала, теперь они будут мне сниться.

В голове не укладывалось, что чудом избежала гибели. «Надо валить отсюда», – подумала я, но коленки были как кисель. И тут снова дрогнула земля. Я вскочила на ноги и

кинулась в березовую рощу. Где выход?! Где тропинка, по которой я сюда пришла? Ну почему я никогда об этом не думаю! Ага – эти две березы, кажется, мне знакомы... Я сделала несколько пьяных шагов, и в этот миг чудо-ухо подло отказало... и весь мир исчез.

Очнулась я от сладковатого металлического вкуса – если, конечно, бывает сладкий металл. Кто-то изо всех сил совал мне в рот таблетку валидола.

– Уберите, – проямлила я, вяло сопротивляясь. – Не поможет...

И снова отключилась.

В следующий раз меня вернул к жизни липкий холодный ручеек, стекавший мне за шиворот. Вскоре вернулся слух, и я узнала озабоченный голос Люды. Пепси-колой поят, дуры! Я открыла глаза, приподняла голову, открыла рот, чтобы сказать им – «Не надо!», – и мне в рот сунули сдобную булочку.

– У нее голодный обморок! – убежденно говорила кому-то Люда.

Я обнаружила, что лежу на краю экзаменационной полянки, под голову мне подсунут мой собственный рюкзак, рядом хлопочет Люда и неприкаянно топчется Галушкина, а чуть подальше стоит хмурая Антонина и смолит, как паровоз. Собравшись с силами, я выплюнула булочку и почти внятно сказала:

– Все... в порядке.

На том зачет, в общем-то, и закончился. Когда я окончательно пришла в себя, Антонина отпустила девочек по домам, а мне велела проехаться с ней до училища – проконтролировать, чтобы я снова не свалилась где-нибудь в метро.

– Что там у тебя случилось-то? – спросила она вполголоса, когда мы заходили в ворота училища.

Ответила я не сразу. Меня беспокоило супер-ухо. Я им ничего не улавливала, как ни старалась. Ничего, кроме отдаленного сиплого свиста под мышкой, как от закипающего чайника. Похоже, супер-ухо не выдержало перегрузок и отказало. Или изначально было одноразовым.

Досадно. К хорошему привыкаешь быстро.

– Геля! Отвечай, когда спрашивают!

– Где, на площадке? Да ничего особенного. Обморок.

Я еще не решила, стоит ли рассказывать Антонине о том, что я видела в чужом домене. Получить очередной втык за нарушение правил училища – это как раз, что мне «нужно» в канун выпускного.

– Обморок? – по тону учительницы было ясно, что она мне не верит. – И часто с тобой такое бывает?

– Нет. Просто себя плохо чувствую последнее время. Экзамены, переутомление, все такое. Мы все устали. Да, Антонина Николаевна? – неловко перевела я разговор на другую тему. – У вас тоже последнее время вид совсем замученный. Надеюсь, ничего плохого не случилось?

Антонина быстро заморгала глазами, снова потащила из кармана «Приму». У нее и впрямь что-тостряслось, поняла я.

– Детей должно быть двое, – сказала вдруг Антонина. – Или трое. И все девочки. Запомни, Гелечка, на будущее. Единственный сын – это такой страх, такой ужас...

Оказалось, у Антонины есть сын. Любимый сын, кровиночка. Собрался в Академию поступать, и Антонина страшно боится, что он провалится, потому что шансов, что он сам поступит – ноль. Ни денег, ни блата. Ведь Антонина – не какая-нибудь академическая шишка, профессор-международник или великий мастер-демиург. Она – простой учитель. Точнее, Учитель, но кого это интересует?

– От этих мальчишек рехнуться можно, – говорила Антонина, нервно затягиваясь. – Трудных путей ищут, до всего хотят дойти своим умом, помощи не принимают, слушать старших не хотят. А жизни не понимают совсем, существуют в каких-то выдуманных мирах. Им кажется, что жизнь – это компьютерная игрушка, где можно в любой момент перезагрузиться. Не доходит до них, что есть вещи, с которыми играть нельзя. Вот заберут его в армию, и что? Ладно если стройбат – просто потерянные годы, – а пошлют куда-нибудь? В горячую точку?!

Я было собралась ей возразить – как же иначе приобретать опыт, если не рисковать? – но что-то подсказало мне: Антонина мои слова в таком настроении не воспримет. И я

промолчала. И про чужой домен ничего ей не сказала. Зачем грузить человека лишними проблемами, ей и так нелегко. Я вот не знаю, смогла бы я на ее месте как ни в чем не бывало вести пленэр. До берез ли, когда единственному сыну грозит стройбат!

Мы вместе дошли до мастерской, попрощались, и я пошла на трамвай. Досада по поводу несданного зачета очень скоро сменилась оптимистическими мыслями о платье для выпускного бала, за которым мы с мамой собирались ехать вечером в ателье. В конце концов, не одна я такая двоечница, пересдам как-нибудь, не в первый раз! О том неприятном домене, после некоторых колебаний, я решила пока забыть. Завтра – профориентация, потом какое-то тестирование с психологом, и выпускной уже на следующей неделе...

В общем, Антонина сама была во всем виновата. Если бы она честно рассказала о Пятне Страх, то, возможно, будущие катастрофы удалось предотвратить. Я была бы предупреждена, и вела бы себя гораздо осторожнее, встретив в метро окровавленного, полумертвого Сашу Хольгера. И я никогда не рассталась бы с Рыжиком. Но мы обе утаили правду, и я поехала домой, не зная, что через неделю моя жизнь переменится навсегда.

Глава 4. Черные нитки

Так случилось, что через пару дней я снова оказалась на той поляне – во второй и предпоследний раз. Идея навестить место неудавшегося зачета пришла мне в голову внезапно, когда мы с Рыжиком гуляли в окрестностях метро «Пионерская». Если, конечно, можно назвать прогулкой блуждание от ларька к ларьку в поисках загадочного крафтового пива «Три медведя». Какой-то злодей рассказал Рыжику, что лучше этого пива на свете не бывает. А я считаю, что такого пива просто нет в природе. Но попробуй, докажи это Рыжику!

Рыжик – это мой парень. Свершилось – у меня наконец-то появился самый настоящий, не воображаемый бойфренд! Уже целых полтора месяца как. И не какой-нибудь там озабоченный курсант, и не чахлый ботан – банный лист, и не синий призрак-оборотень без конкретной формы, зато с коробом насмешек наготове. И даже не однокашник из художественного училища, близорукий гений с крышей набекрень. Мой Рыжик похож на персонажа рекламы энергетика. Он не творческая личность; у него нет ни тайных комплексов, ни личного призрака, ни уха в боку. Он абсолютно, стопроцентно нормален.

Рыжику шестнадцать, как и мне, но выглядит он немного старше. Он невысокий, накачанный, морда весьма симпатичная, а волосы стрижены ежиком и выкрашены в апель-

синово-рыжий цвет. Этакое солнышко ходячее. Глаза у него темно-карие, красивые, в густых ресницах. Рыжик об этом прекрасно знает и всюду стреляет ими по сторонам, когда думает, что я не вижу. Характер у него веселый и добродушный. Такого бойфренда можно с гордостью показывать подругам и водить практически куда угодно. Помню, как девочки в училище завидовали Эзергили, с ее спортсменами и египтянами. А теперь завидуют мне. Потому что только когда живешь в окружении одаренных выродков (в хорошем смысле слова), начинаешь понимать и ценить, как это круто – встречаться с *нормальным* парнем.

Даже моих родителей он более-менее устраивает. Хотя мама при первом взгляде на Рыжика в ужасе проговорила: «Да он же совсем взрослый!» – а потом, невзирая на сопротивление, устроила мне ликбез по поводу внезапной беременности (как будто я сама всего не знаю). В общем, бойфренд точно из Маринкиного парадокса: «чтобы как у всех, но при этом гораздо лучше».

– ...если бы он на питстопе не пошел на дозаправку, то отыграл бы секунд пятнадцать, – втолковывал мне Рыжик, пока мы шли мимо ларьков, протянувшихся километра на два вдоль Коломяжского проспекта. – С другой стороны, тут есть риск просто встать с пустым баком. Помнишь, Гелька, как было клево, когда тот японец не доехал до финиша метров двадцать – выскочил и побежал пешком, но ему все равно не засчитали?

– Ага... Как интересно...

Я читала, что если женщина внимательно смотрит в лицо, кивает и время от времени говорит – «ага», то она точно не слушает, а у мужчин все наоборот. Надеюсь, Рыжик об этом не знает.

– Хотя был вариант вообще не идти на третий питстоп, а заправить на втором полный бак... но тогда пришлось бы не менять в третий раз резину, и тогда...

– Ага... А «он» – это кто?

– Так, ты меня слушаешь вообще?

– А, я думала, ты опять о том итальянце, как его... Скудерия Квиринале.

Рыжик залился хохотом.

– Гелька, ты балда! Это не гонщик! «Скудерия Квиринале» – это конюшня Феррари!

– Конюшня? – ну теперь настала моя очередь посмеяться. – Ты чего? Откуда у них конюшня-то? «Формула-один» – это ж автогонки!

Новый взрыв хохота со стороны Рыжика.

– «Конюшня» – просто название такое, для понта. Типа, они все такие древние, с традициями...

У Рыжика очень довольный собой вид. На лице – выражение превосходства мужского интеллекта над женским.

Чем ближе к метро, тем больше вокруг становилось народу. Нас то и дело пихали, толкали и проходились по ногам. На вход в вестибюль «Пионерской» вытянулся длинейший

хвост. Еще пять лет назад здесь такого не было, а все из-за этих новостроек.

Комендань явно переживает строительный бум. Раньше тут были только огромные зеленые пустыри, а теперь плюнуть некуда – непременно попадешь в чью-нибудь оранжевую каску. Слева от нас новый небоскреб, похожий на воина в древнерусском шлеме, мрачно смотрел на другой небоскреб, похожий на нахальную жабу с высунутым до земли сорокаметровым зеркальным языком. Дальше были хаотически были разбросаны белые ветшающие коробки «кораблей»-девятиэтажек, а между ними, на каждом свободном пятчке, велась интенсивная застройка. Вдалеке, за плоскими крышами «кораблей», торчала и вовсе странная башня. На жилой дом непохожа – вся белая, ни единого балкона, – а на зубчатой верхушке мигает красный огонек.

А справа, за грязной и суетливой полоской торговых павильонов, уснувшими волнами вздымались пологие изумрудные холмы Удельного парка. Оттуда веяло свежестью и тишиной...

– О, кстати, – не унимался Рыжик, – ты видела блондинку, на центральной трибуне, еще орала и флажком махала? М-м-м... – и взгляд стал такой задумчивый, туманный, что сразу захотелось дать ему хорошего пинка. Ну какой реакции он от меня ждет? «Да, я сразу заметила! Клевые у нее буфера, а ноги от ушей ваще улет!»

– Послушай, Рыжик, – в сердцах рявкнула я, – Ну сколько

можно трепаться об одном и том же! Или о девчонках, или об автогонках, или где бы денег раздобыть! Неужели тебя в жизни ничего не интересует – только деньги и девчонки?

– Не деньги и девчонки, а «бабки» и «телки», – уточнил Рыжик. – Бабки и телки – это круто!

И принялся мерзко хихикать, очень довольный своим остроумием. Я нарочно никак не отреагировала. Рыжик далеко не так туп, как притворяется, но потакать ему я не собираюсь.

Мимо ломился народ. Меня в очередной раз толкнули. Терпение лопнуло.

– Слушай, ты случайно не заметил, что мы обошли *все* пивные ларьки по левой стороне Коломяжского?!

– Но осталась ведь еще правая сторона! – радостно объявил Рыжик и потащил меня на переход. Я уперлась обеими ногами.

– Достало! Хочу тишины и покоя! И чтобы мне никто каждые десять секунд не наступал на ногу.

– Это где ж ты найдешь такое место на Комендантском?

– А парк?

– Па-арк? – Рыжик с кислым видом посмотрел на другую сторону проспекта. – Че там делать-то, в этом парке?

– Как что – гулять! Дышать свежим воздухом!

– Мда?

– Там живая природа! – соблазняла я, а в голове уже вертелась та самая мысль. А не наведаться ли на полянку? Про-

сто так – посмотреть, что да как. Разумеется, никаких проникновений в чужой домен. Да и вход наверняка давно закрылся. И вообще, со мной Рыжик. Просто постою там на травке...

– Давай, пошли. Белочек покормим!

На лице Рыжика застыло обиженное выражение: – «Но там же нет пива!»

– О'кей, компромисс, – согласилась я. – Идем в парк, гуляем там полчаса, а потом возвращаемся и обходим всю правую сторону Коломяжского в поисках твоих несчастных «трех медведей»!

На том и договорились.

До полянки в глубине парка мы добрались минут за двадцать. С прошлого раза здесь ничего не изменилось. Кажется, после нас сюда никто не забредал. Даже пачка из-под сигарет, которую Антонина бросила в траву, там и валялась. Над головой монотонно шумели березы. Ничего прозрачного, весеннего в них уже не осталось – они словно надели плотные зеленые маски... Так, а это что?

Проход между двумя березами – тот самый, через который я в прошлый раз проникла в чужой домен, – был перекрыт. Причем очень странным способом. Кто-то не поленился обмотать стволы черными нитками, густо, как паутиной. Небось, не одну катушку истратил. «Паутина» начиналась примерно от уровня колен, а заканчивалась на высоте

пары метров.

Я остановилась так резко, что Рыжик наступил мне на всю ту же исстрадавшуюся ногу.

– Гелька, ты чего?

– Смотри! – я указала на затянутый нитками проход.

– Ну, нитки. Вот же кому-то делать нечего было. И что?

– Да ничего! – с досадой ответила я, внимательно рассматривая паутину. Что бы это значило? Если это не детские забавы, и не маловероятное случайное совпадение, значит, кто-то знает о том, что здесь – проход в чужой домен. Может, кто-нибудь из наших постарался? Или Антонина? Нет, это не в ее стиле...

«Не иначе, как вход закрыл владелец домена, – решила я. – Не хочет, чтобы к нему всякие шастали. Логично. Но почему нитками?»

– Гелька, пойдем отсюда.

– Подожди ты...

Я подошла поближе к «паутине», коснулась пальцем нитки. Ничего особенного не произошло – только я заметила, что нитка шерстяная. И в чем смысл? Может, тонкий намек? Непонятная ловушка?

– Рыжик, ты не отойдешь в сторону? Мне...м-м... в кустики захотелось. Да, да... Подальше. Вот туда, за деревья... Ага. И отвернись.

– «Избушка-избушка, повернись к лесу передом», – процитировал бойфренд, удаляясь в указанном направлении.

Вот теперь можно было немного поработать. Я подошла вплотную и заглянула в просвет между нитками, на ту сторону. Березы сегодня глухо молчали. Но определенно пространство там было другого качества. Вход остался. И я бы, пожалуй, смогла туда пройти. Если однажды прошел в домен, второй раз войти по своим старым следам уже несложно – лишь бы никто не мешал...

Кажется, на той стороне было темнее, чем здесь. В лицо дул слабый, но раздражающий холодный ветерок, студил кожу. Дыхание чужого домена... Ах, если бы не было Рыжика, я бы попыталась...

И тут я заметила что-то белое. Оно было приклеено с той стороны к ниткам, словно бабочка, угодившая в паутину. Нечто вроде листика бумаги, намотанного трубочкой на нитку на уровне глаз. Он висел со стороны домена, поэтому с полянки оставался невидимым. Я не без опаски просунула внутрь руку по самое плечо, стараясь лишний раз не касаться ниток, оторвала лист и вытащила – записку!

Никакого адресата на ней не было. Я с внутренним холодком развернула ее и прочитала:

«Любимая, не ходи по этой дороге, она нестабильна».

Непонятно почему, по коже пробежали мурашки. «Кто это – любимая? – волнуюсь, подумала я. – Это мне? Кто же это написал?»

Я снова уткнулась в записку. Почерк был крупный, размашистый, мужской. Написано черной шариковой ручкой.

Лист – обычный стикер, квадратик с клейкой полоской. Так... Это еще не все!

Внизу листа имелась приписка:

«И предупреди остальных».

В голове все перепуталось окончательно. Для кого же эта записка? Если для меня – то почему с той стороны? Чтобы случайные прохожие не заметили? Нет, вряд ли для меня. Она для того, – вернее, для той, – кто пойдет с другой стороны. Со стороны котлована.

А кто эти «остальные»?

Скорее всего, это адресовано не мне... Увы. (Теперь я почему-то испытала разочарование). Почерк незнаком. Записка прикреплена изнутри. И главное – никто никогда не называл меня любимой... Даже Рыжик.

Поклонников у меня сейчас не было – Рыжик всех распугал. А в тайную любовь я не верила. Ну не такие они, парни, чтобы по кому-то безнадежно страдать дольше двух недель. Это скорее наше, девчоночье.

Однако почерк Рыжика надо будет на всякий случай проверить.

Я закрыла вход, спрятала записку в карман и окликнула:
– Эй, избушка! Поворачивайся!

Ничего особенного в тот день больше не случилось. Выполняя договоренность, мы еще часа полтора бродили по Комендантскому в поисках пива. И все это время меня не оставляло ощущение, что кто-то смотрит мне в затылок. Или

как будто холодом веет в спину – словно где-то форточку не закрыли. Несколько раз я, не выдержав, даже оборачивалась, но так никого и не заметила. Однако ощущение пристального и недоброжелательного взгляда прошло только тогда, когда за нами закрылись двери метро.

Глава 5. Матовый, прозрачный, зеркальный

В холле училища повесили объявление. В четверг, в полдень – выдача дипломов! Наконец-то! Особенно радовало, что никто не потребовал от нас пересдачи зачета по пленэру. Но оказалось, что я рано обрадовалась. В день выдачи меня разбудила звонком Антонина и без объяснений повелела явиться в училище к одиннадцати часам.

Солнечное утро, окна училища распахнуты настежь. В холле не протолкнуться. Я вертела головой, пытаюсь высмотреть Антонину, но она меня сама нашла. Выхватила из толпы и притащила в учительскую. Там не было никого, кроме Костика Малевича. Костик сидел за директорским столом и хмурясь, рассматривал какую-то репродукцию.

– Костя, готов?

– Вы мне нарочно такую картинку подложили, да?

– Не болтай ерунду. Сдавай работу и выметайся, время вышло.

Костик встал из-за стола и протянул Антонине исписанный лист.

– Не думаю, что мне светит зачет, – ухмыляясь, сказал он. – Я написал то, что *в самом деле* думаю об этом сюжете.

– Посмотрим.

Учительница приняла работу и указала мне на директор-

ское кресло.

– Побыстрее, у тебя полчаса. Мне еще понадобится время на проверку... Так... Что бы тебе такое задать... Попроще...

«Как же! Знаю я это „попроще“!» – подумала я, глядя, как Антонина копается в стенном шкафу.

– Ага, вот это подойдет!

Антонина достала из шкафа коробку и выложила передо мной на стол три стеклянных шара размером с кулак, лист бумаги и карандаш.

– А в чем вопрос-то?

– Это и есть вопрос. Работай.

Антонина вышла из учительской и закрыла ее за собой на ключ.

Я почувствовала, что впадаю в отчаяние. Опять! Да что ж это такое?!

Похоже, Антонина задалась целью лишить меня диплома. Во-первых, ничего подобного мы не проходили. Во-вторых – интересно, какое отношение имеют эти три стекляшки к Чистому Творчеству? Почему не дать мне нормальное творческое задание?!

Время шло, я постаралась взять себя в руки. Ладно, ничего не поделаешь, надо думать. По крайней мере, здесь есть хоть что-то – эти три сферы, – а в парке и того не было. Я сосредоточила внимание на шарах. Посмотрелась в зеркальный, поправила перед ним прическу. Ха, ну и вид у меня в нем! Разложила шары перед собой в ряд. Зеркальный – по-

середине, матовый и прозрачный – по бокам...

Хм, а если провести такую аналогию... Матовый шар – реальность, инертная тупая материя. Зеркальный – ну, допустим, иллюзии. Прозрачный... Что такое прозрачный? Серый мир? Домены? Что-то еще?

А что, если с помощью этих шаров выстроить схему взаимодействия трех миров? Просто взять и описать то, что видишь. Зеркальный шар отражает матовый, не отражает прозрачный. Матовый шар не отражает ничего, и даже в зеркальном он видит только самого себя. Прозрачный... через него видно оба шара, но его самого увидеть нельзя... Антонина не обманула, это действительно несложно!

Когда в замке повернулся ключ, я уже закончила. Торжественно вручив Антонине исписанный лист, я понеслась в большую аудиторию, откуда доносился звук множества голосов.

Выпускники-реалисты собрались в большой мастерской живописцев. Устроились кто где – на подоконниках, на колченогих табуретах, а кто-то и прямо на полу расселся. На бутафорском рояле высилась стопка дипломов. Николаич, наш директор, стоял рядом в затрапезном пиджаке и общался с народом. Минут через десять в аудитории появилась Антонина. Вошла и тихонько села на табуретку за спиной у Николаича. – Можно начинать, – сказала она.

Николаич как будто только ее и ждал.

– Дорогие наши выпускники!

И толкнул речь. Даже не речь, а так... что-то вроде завета отца семейства ораве блудных сыновей.

Сначала он долго распространялся на любимую тему – о братстве мастеров. Дескать, это больше, чем просто слово, и мы это еще поймем и прочувствуем на своей шкуре, когда начнем работать самостоятельно. Особенно Николаич упирал на то, что мы как бы единая семья. Что мы все из одного корня, хранители и созидатели традиции Чистого Творчества, и что мы должны всю жизнь помнить о том, какая именно замечательная школа подготовила из нас, ленивых раздолбаев, таких крутых без пяти минут мастеров реальности. Что реалисты должны всегда помогать друг другу, и что мы всегда можем рассчитывать на помощь школы и его, директора, персонально. И еще об ответственности (ну как же не напомнить-то в тысячный раз?). Типа, Дар Творчества – это ответственность перед человечеством, и чем выше наше мастерство, тем больше должна быть и самодисциплина. Что мы привыкли играть с реальностью, но теперь игры кончатся, и с этого момента спрос с нас будет – как со взрослых. И так далее в том же духе.

– ...и вручая вам эти дипломы, мы символически передаем вам эстафету Традиции, – закончил Николаич. – Но помните, что традиции – это не более чем форма. А чем ее наполнить – с этого момента решать вам!

После этого директор начал раздавать дипломы. Выдача тянулась очень долго, потому что для каждого из учеников

Николаич приберег пару напутственных добрых слов. Слушая, как он характеризовал достижения поочередно десятков реалистов, я только дивилась, откуда он, безвылазно сидя в своем кабинете, так хорошо нас знает. Своей очереди я ожидала с некоторой опаской – интересно, что же он обо мне скажет, в прошлом году я доставила ему немало неприятностей... Но так и не дождалась. Директор, пошептавшись с Антониной, отложил в сторону несколько дипломов, пожелал всем успехов и попрощался до субботы, когда мы все встретимся на грандиозном выпускном балу для всего нашего училища.

Довольный народ, синяя корочками, пошуршал на выход. На крышке рояля остались три диплома. Отступника Костика Малевича, закоренелой двоюродной сестры Галушкиной и мой.

Черт! Как чувствовала! Ох уж эта Антонина! Не смогла обойтись без последней подлянки! Ну и что теперь? На второй год оставят? Позорище-то какое!

Распихивая толпу, я догнала довольную, улыбающуюся Антонину и вцепилась ей в рукав:

– Антонина Николаевна, я по поводу последнего задания...

– Незачет, – бросила на ходу она.

– Почему?!

– Потом, все потом. Девочки, идите встречайте своего куратора.

– Какого еще куратора?!

Но Антонина уже исчезла в дверях учительской.

– Пошли почитаем, что там на доске объявлений, – раздался позади застенчивый голос Галушкиной.

Я почувствовала раздражение. Что она, решила, будто мы с ней одна команда? Раз нам не дали дипломов, так мы теперь с ней дружить будем?

Ничего не ответив, я рванула вперед.

Возле доски объявлений творилось что-то невообразимое. Казалось, там собрался весь поток.

– Что там? Что там? – спрашивала я, работая локтями.

Наконец удалось пролезть. Годовое расписание уже сняли. Вместо него появилось несколько новых объявлений и какая-то схема. Так: объявление для тех, кто проспал весь май, о том, где и когда будет выпускной бал; результаты зачета по пленэру... А это что за схема?

«Производственная практика»?!

Как? Зачем? Первый раз слышу!

Я пропустила живописцев, искусствоведов, иллюзионистов, скульпторов... ага, вот и реалисты, на самом верху. Нас поделили на группы от трех до восьми человек, по какому принципу – непонятно. Напротив каждой группы – номер аудитории и фамилия куратора.

Я наконец разыскала свою фамилию, и у меня упало сердце. В моей группе оказалось всего два человека – я и Галушкина. Был и кто-то третий, но его фамилию тщательно зачирикали маркером.

– Нам в десятый кабинет, – раздался сзади робкий голос
– это опять подкралась Галушкина. – Пошли?

– Пошли, – обреченно кивнула я.

Десятый кабинет я прекрасно знала – крошечный закуток на третьем этаже над лестницей. Но на площадке второго этажа меня окружили несколько знакомых девчонок-реалисток. Девицы явно были чем-то взволнованы.

– Гелька, тебе не в десятый?!

– Да, а что?

– Вот повезло! – послышалось со всех сторон.

– А в чем дело-то? – с подозрением спросила я.

– Туда сейчас зашел ТАКОЙ МАЧО!

– Это, наверно, наш будущий куратор, – простодушно сказала Галушкина.

Со всех сторон послышались восторженные ахи.

– Красавец! Латино лавер! Арабский принц!

Сердце тревожно забилося.

– Девочки, не пугайте меня! Что еще за мачо?

– А видели, на каком джипе он приехал! Гелька, давай поменяемся! Можно я вместо тебя пойду?! Никто не заметит!

– Гелька, куда вас направляют на практику?

– А какие у него глаза! А волосы!

Почему-то на душе стало тревожно.

– Девочки, никто не знает – как его зовут?

– В расписании сказано – Дамиров Д. А. – тут же сообщили мне.

Меня аж в краску бросило.
Черт! Да это же Джеф!

Глава 6. Город-призрак

Старый знакомец Джеф за прошедший год ничуть не изменился. Разве что приобрел некоторый полусветский лоск. Бывший книжный вор, псевдосторож и гордый мастер-одиночка сидел на учительском столе, качая ногой в лакированном ботинке. Опять отрастил себе черную гриву, роскошно спадающую на ворот белого джемпера из вискозы. При виде моего мрачного лица ухмыльнулся:

– О, какой напряженный взгляд! Ну что, Данила-мастер, – не выходит каменный цветок?

– Сам дурак, – не растерялась я.

Первый раз слышу такую пошлую шутку относительно философского камня!

Значит, намекать он мне будет, ага? Ну я ему сейчас намекну!

– Что, в учителя подался? А книги из тайных хранилищ больше не тырим?

– Не-а, невыгодно стало. Не успеешь стырить книгу, как кое-кто ее уже съедает.

– Как дела в Хоразоне? Все цветет и пахнет? – пропустив выпад, ехидно поинтересовалась я.

Джеф – сторонник минимализма в Чистом Творчестве. Его домен был спроектирован как пустыня – пока там не побывали мы с Князем Тишины. Теперь в Хоразоне буйные

джунгли.

Судя по тому, что Джеф перестал улыбаться, подколка удалась.

– Скоро сама все увидишь, – бросил он и с дружелюбным видом повернулся к Галушкиной.

– Здорово, практикантка!

– Здравствуйте, – краснея и заикаясь, пробормотала Галушкина. Брутальный Джеф явно потряс ее небогатое воображение.

– Как тебя зовут?

– Оксана...

– Джафар Александрович. Но друзья зовут меня Джефом, – и подмигнул мне, паршивец. – Ну что, девушки, приступаем?

Джеф принялся раскладывать по столу какие-то бумажки. Я гордо отвернулась к окну.

– Слушай, думаешь, я счастлив с тобой работать? – слышалось за спиной. – Да ты мне дело моей жизни загубила...

– А сам! – воскликнула я, разворачиваясь. – Не забыл, что хотел со мной сделать?

– Вся эта история с Книгой Корина не имеет никакого значения, – терпеливо сказал Джеф. – Она ушла в прошлое. И вообще это была не моя идея – стать твоим куратором. Больно мне надо возиться со школьниками! У меня вообще-то свои проекты...

– Чего ж ты тогда тут делаешь?

– Решение принималось в Академии. Мне сказали, что, дескать, вы со Щербаковой давние знакомые, уже сработались...

– Во блин! Это называется «сработались»?! Сначала ты пытался скормить меня оборотню, потом выкачать кровь, потом расчленил на органы...

– Тихо, тихо, не пугай свою подругу!

Я покосилась на растерянно моргавшую Галушкину.

– Успокойся, – повторил Джеф. – И прими наше сотрудничество как данность. Бери пример с меня. Все равно уже ничего не изменишь.

Джеф был прав. Я решила последовать его совету. По крайней мере, попытаться.

– Так ты теперь в Академии? – мрачно спросила я.

Джеф взял и обиделся.

– Я сам по себе, – холодно сказал он. – Всегда! Я – свободный мастер!

– Тогда почему...

– Меня *попросили*.

Я не стала развивать эту тему. Ну, пусть будет «попросили». Свободным мастерам тоже надо что-то кушать. И бензин для джипа (на чем он там приехал?) покупать.

– Ну тогда рассказывай, – я села за парту. – Что еще за практику придумали?

– Не так быстро. Сначала, девушки, заполните эти блан-

ки...

Собственно, заполнять было особо нечего – вписать имя и фамилию, прочитав то, что посередине, и расписаться внизу.

– «Место прохождения практики – Академия Художеств», – прочитала я вслух. – Ого!

– Не раскатывай губу, мы будем работать в поле.

– «Название проекта – „Пятно Страх“»... Это что еще такое? – спросила я, расписываясь.

– Со временем узнаешь, – сказал Джеф с таким великолепным презрением, что мне сразу подумалось – хе, да он, похоже, и сам не в курсе.

– А почему нас в группе всего двое?

– Потому что по результатам тестирования к работе по проекту «Пятно Страх» оказались годны только ты и Оксана.

Теперь я почувствовала себя оскорбленной. Хуже нас никого не нашлось, что ли? Ну и парочка – безмозглая Галушкина и отморозенная Щербакова, да еще под руководством сомнительного авантюриста Дамирова. Не иначе как в Академии решили от нас троих скопом отделаться!

– Почему мне не выдали диплом? – в сердцах наехала я на Джефа.

– Это к вашему начальству, – отмахнулся он. – Я тут не при чем.

Я хотела пошуметь еще, но взглянула на текст, под кото-

рым только что подписалась, и прочла ниже:

«В период практики ученику, под присмотром куратора, официально разрешается заниматься демиургией».

Далее стояла подпись Николаича и печать Академии.

Ура! Пусть под присмотром Джефа, но все равно – наконец-то!

Мое настроение резко переменилось к лучшему. Я подумала, что все не так уж плохо, и это «Пятно Страха» – вовсе не попытка от меня избавиться, а что-то поинтереснее...

– Подписалась? – нетерпеливо спросил Джеф, забирая листок из моих рук. – Тогда поехали.

Во дворе училища на Джефа тарасились все встречные девицы. Я почти физически ощущала невидимые излучения зависти. Вот же не повезло бедняге Джефу! К нему в практикантки попали две девчонки, единственные в училище равнодушные к его мужскому обаянию. Галушкина, после наших разговоров, смотрела на него с немым страхом и почтением. Я же чувствовала к Джефу только застарелую антипатию и колоссальное недоверие.

Напротив главного входа был припаркован сверкающий навороченный джип неизвестной мне марки «Patriot». Я постаралась сесть в него с таким видом, чтобы Джефу стало ясно – я на таких машинах катаюсь каждый день. Галушкина съежилась на заднем сиденье с видом Крошечки-Хаврошечки.

ки и всю дорогу ошалело вертела головой по сторонам.

Джеф повез нас куда-то в центр.

– А врал, что мы не в Академию, – сказала я, когда он свернул на набережную Фонтанки, где над морем ржавых крыш сверкал на солнце стеклянный купол нашей будущей «альма матер».

– Я не врал, – сухо ответил Джеф, загоня машину в какую-то подворотню.

Несколько минут блужданий по сквозным дворам-«колодцам», и «Патриот» выскочил к задней стене Академии. Я увидела синий вагончик с надписью «АО Феникс» на боку, и тут до меня наконец дошло.

– Теперь понятно, почему ты работаешь на Академию, – радостно заявила я. – Они не отдали тебе твой вагончик, ага? А без него тебе не попасть в домен!

– Вылезайте, – злобно прошипел бывший вор.

...Мы стояли на гребне песчаной дюны и смотрели вниз. Склон, поначалу пологий, с каждым метром становился круче, а потом уходил на невозможную глубину, создавая ощущение, будто мы стоим на берегу высохшего моря. За год Джеф навел в Хоразоне порядок – от джунглей не осталось и травинки. Зато появилось кое-что другое. Пустыню рассекал гигантских размеров котлован, масштабами напоминающий Большой Каньон, а на другой его стороне, километрах в трех от нас, виднелся незнакомый микрорайон, окрашенный

вечерним солнцем во все оттенки багрового. Вернее, мне-то он уже был знаком.

– Вот, пожалуйста, – мрачно сказал Джеф. – Город-призрак. Поначалу надеялся – мираж, ан нет...

– Это и есть оно? – спросила Галушкина.

– В смысле?

– Ну – Пятно Страху?

Джеф молча кивнул.

Я с удивлением поглядела на Галушкину. Поразительная девчонка! Первый раз в жизни угодила в домен (она, разумеется, о демиургии и не слыхала), и никакой реакции! Хоть бы в истерику впала, что ли. Ни страха, ни даже любопытства, только тупая покорность. За дверью времянки расстилается пустыня? Значит, так надо, – раз эту дверь открывает начальство.

– Вот какой у меня тут завелся таинственный оазис, – повторил Джеф. – Никто из вас в своих доменах такого не встречал?

– У меня нет домена, ты же знаешь, – сказала я.

– А что это такое – домен? – спросила Галушкина.

– М-да. Помощницы, блин...

В резком свете заходящего солнца чужой домен был виден как на ладони. Я на миг пожалела, что нет бинокля, и постаралась определить хотя бы какие-то доминанты на глаз. Вот, например, очень странная зубчатая башня без окон – где-то я ее недавно видела...

– А в других доменах этот район есть? – спросила я.

– Пока нет. Но в Академии подозревают, что это дело времени.

Я кивнула, прекрасно понимая, о чем он. Хоразон был особенным типом домена-«перекрестка». Неудивительно, что всякие пространственные новообразования первым делом проявились именно здесь.

...А такую же зубчатую башню я не далее, как позавчера, видела на Комендантском!

– Задача, поставленная нашей группе, на первый взгляд весьма проста, – заговорил Джеф, – Проникнуть в этот домен и выйти на контакт со здешним демиургом.

Я удивленно взглянула на Джефа.

– И все?

– Ага.

– Что за бредовое задание?

– Почему «бредовое»?

– Не творческое, а какое-то... чисто административное.

Проникнуть, выйти на контакт... Вот если бы мы были из академии МВД...

Джеф захихикал.

– Просто представил, как привожу сюда отряд ОМОНа и говорю – вот эта штука называется домен, – пояснил он. – Геля, все, что связано с творчеством – касается только нас. Задание сочиняли в Академии. Бредовое-не бредовое, а выполнить его надо.

Я пожалала плечами.

– Ладно, мне-то что. Значит, проникнуть в домен и найти демиурга. А в чем подвох?

– Подвох в том, что он не идет на контакт. И к себе никого не пускает.

– Ой, не верю! Нет ничего проще, чем найти хозяина домена. Заходишь, – тук-тук! – и хозяин объявляется сам.

– Ничего подобного, – возразил Джеф, – Попробуй-ка, доберись до него. Думаешь, зачем здесь котлован?

Я не ответила, размышляя – сказать Джефу о башне или нет. Жизненный опыт уже давно научил меня: если мне стало известно что-то такое, чего кроме меня не знает никто, то такой козырь надо как можно дольше держать в рукаве. В будущем наверняка пригодится...

– А я знаю, что это такое, – неожиданно сказала Галушкина, показывая в сторону чужого домена. – Я там живу.

– Где?! – в один голос воскликнули мы с Джефом. – В домене?!

– Нет, в районе парка. Это место похоже на Комендантский аэродром. Только какой-то неправильный...

– Не неправильный, а недостроенный, – вклинилась я.

Еще не хватало, чтобы Галушкина оказалась догадливей!

– Смотрите, вот там, в центре, где метро и две высотки, все как в реале. А чем ближе к краям, тем больше искажений. Этот домен, наверно, растет из какой-то точки в середине, и пока еще недоделан...

Джеф вытаращил глаза. Ничего подобного от нас он явно не ожидал.

– Шикарно. Молодцы. Ну, теперь остается только найти демиурга, и мы все свободны. Может, у вас заодно есть идеи, как туда попасть?

– Не вижу проблемы, – сказала я. – Спускаемся в котлован и идем. Полдня, максимум день, и...

– М-да? Попробуй, – предложил Джеф.

Я подошла к самому краю и внимательно взгляделась в пустынный пейзаж. Дальний склон котлована терялся в длинной причудливой тени, которую отбрасывал чужой домен. Отсюда, на расстоянии, дно и пологие склоны казались совсем гладкими, серовато-желтыми, монотонными. По котловану гулял ветер, то затихая, то взметая тучи песка. Почему-то у меня по коже побежали мурашки, но я отбросила вздорные опасения и шагнула вперед.

Чем дальше я отходила от Галушкиной и Джефа, тем уютнее мне становилось. Вокруг было тихо до звона в ушах, будто песок глушил все звуки. И мне вдруг стало казаться: я, как маленькая мошка, ползу прямо к ловушке песчаного льва, или иду по огромной песчаной трясине. Еще шаг – и она поглотит меня, и даже следа не останется...

В итоге, не пройдя и двадцати шагов, я развернулась и, стараясь не бежать, вернулась обратно. Мрачно взглянула на Джефа – давай, издевайся.

– Что, не по себе стало? – в голосе Джефа не было насмеш-

ки. – Вот оно, «Пятно страха» – так сказать, в действии. Котлован тут вырыли не просто так. Это граница, пересекать которую нельзя. Там, где мы стоим, заканчивается мой домен. Вам-то этого не ощутить, но для меня это как собственное тело – вот тут еще оно, а там – уже нет. И когда ты пересекаешь эту границу, начинает работать защита чужого домена.

– Да в чем же защита?

– Страх – это и есть защита. Беспричинное, непреодолимое желание покинуть территорию котлована. Чем ближе к закату, тем страх сильнее. А ночью сюда вообще не подойти. Главное, сам не понимаешь, чего боишься... будто химическая реакция в мозгу...

Джеф провел рукой по лицу, стряхивая налипшие песчинки, и добавил:

– Такая оригинальная система защиты и есть самое интересное в этом домене – ну, кроме того, что он вдруг появился у меня в Хоразоне, отхватил кусок пустыни и теперь мне его никак отсюда не убрать.

Он не врал, я это чувствовала. Слова Джефа очень точно передали то, что я пережила во время того последнего пленэра в Удельном парке. Иррациональный страх, переходящий в панический ужас до потери сознания, этим все и закончилось. А я-то потом решила, что все дело в супер-ухе, что на меня так подействовал крик погибающих берез...

– Там же в котловане нет ничего, – с задумчивым видом сказала Галушкина, внимательно осматривая простран-

ство. – Пустота. Чего бояться?

– Значит, не просто «пустота», – возразила я. – Что-то там скрыто. Джеф, а ты уверен, что этот страх действительно беспричинный? По-моему, ничего беспричинного не бывает. Вдруг там что-то ТАКОЕ!

– Ничего там нет, – утомленно сказал Джеф. – Думаете, я не проверял? На самом деле, у меня уже есть теория относительно этого домена и заодно нашего задания. Чисто психологическая.

– Что за теория?

– Погодите до следующего занятия. Там ее и проверим. А пока – задача сформулирована, место вы видели. Обдумывайте. Ищите варианты решения.

– Ничего не поняла, – проворчала я.

Галушкина, с унылой покорностью глядя в котлован, вздохнула и полезла в сумку за расческой.

На обратном пути Джеф был настолько любезен, что предложил подвезти нас до училища. Я вышла около метро «Черная Речка» и пошла домой, поглощенная мыслями о новом проекте. Провожая взглядом машину Джефа, я обратила внимание на фирменную эмблему – нечто вроде растопыренных тараканьих усов, растущих из кружочка.

– Ангелина! – раздался вдруг рядом возмущенный вопль. – *Что это такое?!*

Недалеко от меня на тротуаре стояла мама и буравила

взглядом удаляющийся «Патриот».

– Я же сто раз тебе говорила, – напустилась она на меня, – никогда не подъезжай на попутках! Ни в коем случае не садись в черные джипы! Хочешь, чтобы тебя изнасиловали и убили?

– Это мой знакомый, – попыталась я исправить ситуацию. – Джеф, то есть Джафар. Он не опасный.

Судя по испугу на мамином лице, я только все испортила.

– Джафар? О боже!

– Ну что «о боже»?!

– Джафар, да на такой машине – это наверняка бандит!

Я вспомнила наши прошлогодние приключения и честно ответила:

– Думаю, что уже нет.

– Где ты его подцепила? Вернее, он тебя?!

– Он мой куратор из Академии Художеств, – давясь смехом, призналась я.

Мама не поверила.

Вечером я позвонила Рыжику и между делом спросила у него, что это за автомобиль такой, у которого эмблема с тараканьими усами. Я старательно описывала знак, пока Рыжик не расхохотался.

– Это же «уаз», – сказал он. – В просторечии – «козел». «Патриот»? Это они выпустили что-то вроде джипа. Не знаю, не водил... издалека, в потемках, на «гелендваген»

слегка похож, если особо не присматриваться. А что?

Я собиралась подразнить его «одним знакомым, который катал меня на джипе», но решила, что тут хвастаться нечем, и ничего ему не сказала.

Глава 7. Встреча в метро

Вот и наступил долгожданный канун выпускного вечера. Деньги за ресторан давно внесены (к слову, немалые). Платье получено и висит в целлофане, зацепленное за люстру, словно белый призрак. Школа арендовала крутой ресторан на Крестовском острове, так что все будет прямо как в голливудских фильмах: краткая официальная часть, речи, цветы, фейерверк, веселье и танцы до утра. Только бассейна, в который падает главная героиня, не хватает. На Крестовском вместо него пруды, а прудах – какая-то утиная болезнь. Хотя все равно кто-нибудь стоцентно спьяну искупается.

Это уже традиция – непременно учинить на выпускном безобразии. Например, о прошлогоднем празднике рассказывают, что компания развеселых живописцев взяла напрокат лодку и устроила на прудах охоту с пневматическим ружьем на утку. Охотились часа три, перевернули лодку, утопили ружье, сами чуть не утонули, утка спаслась, с чем я ее искренне поздравляю. В этом году тоже ожидалось нечто подобное – реалисты с иллюзионистами обещали устроить на прощанье грандиозную драку стенка на стенку, а то за все годы обучения так и не сподобились...

Но драки и охота – это для парней, а у меня все мысли о выпускном бале и, соответственно, о платье.

Бальное платье мне шили на заказ – длинное, кремовое,

из какой-то тонюсенькой, липнущей к колготкам блестящей материи, со шлейфом, который полагается перекидывать через локоть. К нему белые сафьяновые туфельки на низком каблуке, с атласными лентами крест-накрест. Месяц мы учились танцевать самый простой вальс – раз-два-три, поворот, и раз-два-три в другую сторону... и даже парней заставили, ценой нечеловеческих усилий. Платье выглядело почти как свадебное, да и стоило столько же. А Маринке родители так и сказали: «Вот и свадебное платье покупать не надо – в этом выдадим!» (намекая, вероятно, чтобы особо не тянула с замужеством).

В субботу вечером позвонил Рыжик – выразил желание пойти со мной. Типа, ему без меня скучно, и он хочет полюбоваться, какая я вся красивая в бальном платье... Ха, так я ему и поверила! Хочет проконтролировать, чтобы я там ни с кем без него не танцевала. А сам меня на свой выпускной не пригласил (у них был на прошлой неделе) – дескать, «да что там интересного, да у нас самая обычная школа», – а потом мне часа два красочно расписывал, кто из его друзей как наклюкался, и что отчебучил. Можно подумать, меня это интересует.

Я ему сказала, что посторонних к нам в ресторан не пустят. Рыжик явно опечалился, но, по-моему, он это переживет.

Первую половину воскресенья я провела в салоне красоты – макияж, маникюр, прическа, все такое. Из волос спле-

ли какую-то клумбу и залили лаком так, что я чувствовала себя в железном шлеме, и с ужасом думала, как все это буду вечером расчесывать. Ну ладно, раз в жизни можно и потерпеть. Мама советовала надеть платье прямо в ресторане, но я представила, как повезу огромный шуршащий чехол в метро, а потом буду переодеваться неизвестно где, и решила – поеду прямо в платье. Не одна я такая – выпускные идут по всему городу. В конце концов, до Крестовского всего пять или шесть остановок на метро.

Незаметно наступил ясный, удивительно теплый вечер. Я шла мелкими шагами, выпрямив спину, словно приготовившись к танцу. Платье шуршало, липло к ногам, обязывало к изящной походке. В руках я несла пакет с бальными туфлями. Меня переполняло ощущение полной гармонии со вселенной. Воздух был свежий и душистый – начиналась пора цветения. Черемуха уже облетала, как всегда удивляя контрастом легких, трепетных соцветий и тяжелого сладкого запаха. От кустов зацветающей сирени веяло сложным обволакивающим ароматом, похожим на какие-то старинные духи; из дворов тянуло кисло-сладким яблоневым цветом. Не говоря уже о простом вкусном запахе оттаявшей земли и горького дыма сожженных прошлогодних листьев. И забытый за зиму звук – музыкальный, шелковый шелест молодой листвы.

Я спустилась в переполненное метро. В толпе то и дело мелькали нарядные выпускники в костюмах и светлых пла-

тых. В вагоне я и какая-то девчонка в оборках и рюшах долго исподтишка рассматривали наряды друг друга, потом не выдержали и обменялись веселыми взглядами.

На «Сенной» надо было пересаживаться на другую линию. Сворачивая в переход, я прошла мимо парня, который сидел на полу возле стены, уткнувшись лицом в колени. Когда я оказалась напротив него, он поднял голову и посмотрел на меня. Я встретилась с ним взглядом, и меня бросило в жар и холод. Сердце затрепыхалось как сумасшедшее. Я узнала Сашу Хольгера.

Он был такой же, как в далеком детстве, после болезни. Бледный и худой, будто скелет. Щеки запали, глаза обведены темными кругами. Пепельно-русые волосы, раньше всегда коротко подстриженные, отросли до подбородка и спутанными, слипшимися прядями падали на лицо. Выглядел он, словно не менял одежду несколько дней. Лицо совершенно бескровное, взгляд мутный, блуждающий.

– Привет! – автоматически выпалила я, остановившись.

Саша не ответил. Мне показалось – он даже не узнал меня. Господи, что это с ним?!

– Я вот на выпускной еду, – сообщила я с наигранной жизнерадостностью. – На Крестовский. А у вас уже был выпускной?

Ответа я снова не получила.

– С тобой как, все нормально?

Опять молчание.

Мне стало неловко, и даже как-то страшновато. На миг я пожалела, что остановилась и заговорила с ним. Ясно же, что у человека проблемы – так зачем мне в это лезть? Кто он мне – родственник, бойфренд? Так, старый знакомый, мы и не дружили даже... Попрощаться и пойти своей дорогой.

– Уходи, – вдруг сказал Саша едва слышным, хриплым голосом. – У меня все нормально.

Не скажи он этого, я может, так бы и сделала.

– Да врешь ты все, – сказала я, опускаясь на корточки напротив него. – Я же вижу. Тебе что, плохо? Хочешь, врача вызову?

– Только не врача. Блин, сказал же, уходи.

– Эй, ну-ка, что там у тебя?

Я наконец увидела, что Саша прижимает к животу какую-то тряпку, вроде грязного полотенца.

– Покажи! – потребовала я и потянула тряпку на себя. Он не стал сопротивляться. Видя, как послушно разжались его худые пальцы, я вдруг сообразила, что у него просто нет сил.

Футболка на его животе была разрезана сверху донизу, полотенце насквозь пропитано кровью.

У меня неожиданно закружилась голова. Метро как будто изменилось – все куда-то пропало, звуки отдалились... Я забыла, где нахожусь, куда еду – во всем мире остались только я и бледный как мертвец парень, истекающий кровью.

– Как это ты? – залепетала я испуганно. – Кто это тебя...

– Да плевать, – сказал Саша тихо, с досадой. – Фигня, ца-

рапина. Это мои проблемы. Иди, я сам разберусь.

Момент растерянности прошел. В следующий миг я была уже собрана, полна сил и готова действовать.

– Сиди, не двигайся! Где тут ближайший медпункт?!

– Геля, ну не надо! Мне нельзя к врачу!

Саша попытался произнести это угрожающе, но получилось жалобно. Вид у него был такой затравленный, что у меня защемило сердце от жалости.

Я не стала настаивать – нельзя так нельзя. И быстро нашла другой вариант.

– Поехали к нам! За пятнадцать минут доедем, и мы с мамой тебя перебинтуем. Полежишь, придешь в себя. Вставай!

Я помогла Саше встать. Он сумел подняться, но тут же потерял равновесие и тяжело навалился на меня. От него пахло куревом и потом, и каким-то жутким металлическим запахом – наверно, именно так пахнет кровь, когда ее много. Я подхватила его и потащила к платформе, поражаясь, как такой худой парень может быть таким тяжелым. Подошел поезд. Шатаясь как пьяные, мы ввалились в вагон.

– Уступите место, человеку плохо! – громко сказала я. Никто из пассажиров даже не шевельнулся. Я поняла, что не удержу Сашу, и отпустила его возле дальней двери. Он сполз по двери и, кажется, потерял сознание. Кровавая тряпка, которую он так и прижимал к животу, упала на пол. При виде нее меня снова замутило.

– Можно я сяду? – прошептала я какой-то тетке. Тетка ис-

пуганно взглянула на меня и отвернулась, сделав нейтральное лицо. Тогда я опустилась на корточки рядом с Сашей. Черт, сколько о себе узнаешь нового в критических обстоятельствах! Разве я могла предположить, что не переносу вида крови?

Поезд прибыл на «Черную речку» как-то удивительно быстро.

– Выходим, – сказала я Саше, вставая. Он не реагировал.

– Помогите мне его поднять, пожалуйста, – попросила я какого-то осанистого мужика.

Тот аж шарaxнулся, произнеся загадочную фразу:

– Девушка, у меня семья!

Невероятным усилием я выволокла Сашу за дверь и дотащила до эскалатора. Все время, пока мы поднимались, дежурная орала по громкой связи:

– Сидеть на ступеньках запрещено! Девочка, немедленно встань!

Наконец эта пытка закончилась. На улице чистый воздух слегка оживил Сашу – из его глаз исчезла эта пугающая мутная пелена, он перестал опираться на мое плечо и пошел самостоятельно. Я перевела дух и тут же обнаружила, что погубила свое выпускное платье. Кремовый атлас покрывали пятна крови и бурые разводы, тщательно уложенная прическа сбилась набок... Ладно, истерика потом. Что значит платье, когда человек истекает кровью? Главное сейчас – оказать медицинскую помощь.

– Я поеду уже, ок? – хрипло сказал Саша. – Чего тут, до дома близко...

– Даже не думай! Мы уже почти приехали, – и видя, что он решительно берет курс на трамвайную остановку, я интуитивно добавила:

– Давай, хоть умоешься, а то еще в милицию заберут.

Этот аргумент подействовал.

Дверь открыла мама.

– Гелечка, ты что-то забыла? А...

Я ворвалась в квартиру, таща за собой Сашу, деловитая и решительная, как врач скорой помощи.

– Так, мам – со мной Саша Хольгер, он ранен в живот, и ему надо срочно помочь. Где аптечка, скорее! Перекись, вата, бинты!

– На кухне, – пролепетала мама, смотря на Сашу с таким неприкрытым ужасом, как будто я притащила домой не сына ее школьной подруги, а подстреленного ваххабита.

– Доставай все необходимое, – скомандовала я. Проводив Сашу на кухню, я усадила его на табурет, стащила с него джинсовую куртку и обрывки футболки. Ну и вид у него был! Худой, в синяках, он упорно прижимал к животу окровавленное полотенце. Бледная мама принесла коробку с медикаментами.

– Убери ты эту тряпку, – я отняла полотенце и принялась вытирать кровь.

На бледной коже багровело четыре кровотокающих, почти

параллельных разреза. Картина была узнаваемая – примерно так выглядят раны от кошачьих когтей. Только кот, оцарапавший Сашу, был, похоже, размером с тигра. Раны, хоть и страшные на вид, были неглубокими, так что Сашина слабость наступила скорее от потери крови.

– Это кто ж тебя так? – изумилась я.

– Что уставилась? – буркнул Саша. – Заклеивай давай.

– Геля, – раздался папин ледяной голос. – Иди-ка сюда.

Ничего не подозревая, я вышла в коридор, папа молча прошел мимо меня в кухню и закрыл за собой дверь. Несколько секунд с кухни доносились глухие голоса.

– Зачем ты его сюда привела? – зашипела на меня мама. – Ты головой думаешь или нет?!

– А в чем де...

Тут дверь кухни открылась, вышел папа, а за ним Саша. Он был в джинсовой куртке на голое тело, и опять прижимал к животу свое грязное полотенце. Проходя мимо меня, он тихо, безо всякой интонации сказал:

– Спасибо.

Папа довел его до двери, широко открыл ее и сказал ледяным голосом:

– До свидания.

Саша молча, не оглядываясь, шагнул в дверной проем. Папа вышел вслед за ним.

– ...и никогда больше здесь не появляйся, – донеслось до меня с лестницы. – Если еще хоть раз...

Я с изумлением взглянула на маму.

– Чего это с папой?

Но ответить она мне не успела. С лестницы вернулся папа и сходу рявкнул:

– Как тебе не стыдно?

– Нет, как тебе не стыдно! – словно очнувшись, завопила я. – У него же рана, а ты его выгнал!

– Откуда он тут взялся?

– Я встретила его в метро, и подумала, что смогу ему помочь...

– Это была плохая идея, – отрезал папа. – На будущее, если тут еще раз появится этот парень, дверь не открывать!

Потом он со свирепым видом посмотрел на маму.

– А тебе я вообще удивляюсь – как ты могла его впустить!

Мама принялась сбивчиво оправдываться. Я была потрясена до глубины души. Добро бы я, допустим, действительно притащила с улицы какого-нибудь бандита, но ведь Сашу они знают с детства...

– Папа, что происходит? Это же Саша Хольгер!

– Не знаю никакого Сашу Хольгера, – прогремел папа. – И тебе приказываю это имя забыть, и больше никогда с ним не общаться.

Мое удивление сменилось возмущением. Он мне *приказывает!* Никогда мне родители ничего не приказывали. Впрочем, я особо им и не перечила. Но в этот миг я почувствовала, как во мне неожиданно возникло глубокое, откры-

ляющее ощущение своей правоты. Права я, а не они! Какое бы преступление не совершил Саша (а наверняка он сделал что-то чудовищное, из-за чего мои родители не хотят его больше знать), выгонять раненого человека на улицу *нельзя!*

Так я и заявила родителям, и кинулась к двери, чтобы догнать Сашу и вернуть его. Но папа захлопнул дверь перед моим носом и перегородил ее собой.

– Никуда ты не пойдешь.

– Пусти!

– Нет, – спокойно сказал папа.

– Ах так?!

Я буквально онемела от бешенства; потом ловко проскочила у папы под мышкой, пронеслась вниз по лестнице и выбежала во двор.

Саши уже не было. Я сбегала на остановку трамвая, обошла соседние дворы, прошла до метро и обратно, но он как провалился. Тогда я вернулась к дому и минут десять бродила внизу в расстроенных чувствах, злясь на папу и думая, что мне делать дальше. Уйти из дома? А дальше жить где? У Рыжика? Он-то, ясное дело, будет счастлив, вот только что его родители на это скажут...

– Геля! – раздался сверху голос.

Я подняла глаза и увидела в раскрытом окне маму.

– На выпускной опаздываешь!

– Никуда я не пойду! Ну его к черту, этот выпускной!

– Папа уже не сердится! Он тебя отвезет!

– Отстаньте!

Мама скрылась в окне. Я даже удивилась – думала, будет меня уговаривать еще полчаса. Но через мгновение она вернулась и скинула вниз пакет с бальными туфлями.

– Хватит кривляться! Иди, пока все танцульки не пропустила! – услышала я ее голос, а затем стук закрывающегося окна.

Глава 8. Выпускной вечер. Прощальная речь Костика

Я приехала на Крестовский, опоздав часа на три. Официальная часть, даже если таковая имела место, давно закончилась. А также и возвышенно-романтическая – с концертом, алыми парусами и последним звонком. Теперь вечер находился в фазе непринужденного веселья, переходящего в разнузданную вечеринку. За столом собрался практически весь педсовет с почетными гостями и директором во главе. На выпускников учителя не обращали ни малейшего внимания. Они вовсю веселились – с громким хохотом, плясками и бессвязными тостами. Словом, подавали негативный пример.

В толпе я с легкостью заметила Николаича. Не заметить его было трудно – директор отплясывал нечто вроде танго с какой-то девчонкой в длинном вечернем платье, которая явно не знала, как избавиться от кавалера.

Сверкали люстры, играла бравурная музыка, танцующие пары отражались в зеркалах, мелькали между кадками с пальмами и древовидными фикусами. За столами уже почти никого не было. От угощения остались одни объедки. На меня никто не обращал внимания, только Антонина, сидевшая за учительским столом, обернулась, игриво помахала вилкой и вернулась к болтовне.

Отгнав мрачную мысль: «Ну и зачем я сюда пришла?», –

я отправилась к столу поискать чего-нибудь поесть, и налетела на Маринку – оживленную, с блестящими глазами и поплывшей тушью.

– Гелька! Ты куда пропала? – радостно завопила она. – Ага, и у тебя то же самое?

Я сначала не поняла, о чем она, потом догадалась взглянуть на Маринкину юбку – а там точно такое же застиранное пятно, как у меня.

– И что за выпускной такой! – трещала Маринка. – Все себе проливают вино на платье! Ладно вино – а вот Калитина уронила на колени целую банку шпрот! Сейчас сидит в туалете, рыдает. А знаешь, кто с ней танцевал уже два раза? Ты не поверишь... Ой, моя любимая песня!

И убежала в толпу. Не успела я оглянуться – а Маринку уже кто-то пригласил на танец.

Жить сразу стало веселее. Даже вся эта дикая история с Сашей Хольгером и родителями как-то поблекла, словно приключилась давно и не со мной. Обожаю танцевать: и одна, и с кем-то, и классические танцы, и просто так. Есть способы решить проблемы, а есть средства отогнать их, сделать неважными на фоне чего-то лучшего. Танец – один из лучших способов. С проблемами он несовместим. Или ты печалишься, или танцуешь!

Поскольку приглашать меня на танец пока никто не спешил, я решила не топтаться среди зала, а отойти к столу и подождать следующей песни. Уселась, приняла элегантную

позу, поправила прическу. Ну, где вы, кавалеры?

Медленный танец закончился, и сразу начался следующий. Я чуть не взвыла – вальс! И опять парни толпами проходят мимо меня, как мимо пустого стула! Неужели я так плохо выгляжу? А парочек на танцполе все больше. Большинство, разумеется, просто перетаптываются с ноги на ногу, но некоторые что-то такое изображают на «раз-два-три». Меня, меня пригласите! Королева бала сейчас покажет класс!

Тут рядом со мной опять промчалась Маринка, шаря глазами по сторонам. Задержалась, сконцентрировала взгляд, хищно улыбнулась – оп-ля, и вот уже тащит танцевать парня из параллельного потока, по которому сохла в прошлом году.

Я вскочила с места. Вот как, оказывается, она себе кавалеров находит! А почему я так не могу?

– Витек, пошли потанцуем, – я схватила за рукав знакомого искусствоведа, с деловым видом куда-то шагавшего вдоль столов.

– Ммм...эээ... ну пойдём...

Танцевал толстенький Витек отвратительно. Двигался, как деревянный, все танцевальные па перезабыл, держал меня за бока словно чемодан без ручек – и нести неудобно, и выбросить жалко. Да еще что-то непрерывно рассматривал у меня за спиной. А когда танец закончился, он, вместо того, чтобы отвести даму на место, куда-то мгновенно свинтил.

«Ладно, первый блин комом», – благодушно подумала я.

К следующему медленному танцу я подготовилась более ответственно, и отхватила пластичного брюнета-иллюзиониста. Как его зовут, забыла. Но зато помнила, что он классно танцевал венский вальс на репетициях.

– Ангелина, я так тронут вашим приглашением, – с напряженной улыбкой промурлыкал красавец-иллюзионист. – Минуток через пять-десять я буду полностью в вашем распоряжении...

– Нет, сейчас, – решительно возразила я.

Ага, как же. Через десять минут ищи ветра в поле.

Заиграла музыка. Что за черт! Иллюзионист утратил все свою пластичность. Возникло чувство, что не он меня ведет в танце, а я его. Казалось, будто я держу в руках воздушный шар, который неодолимый смерч норовит вырвать у меня из рук. И я даже не удивилась, когда иллюзионист, едва дождавшись последних тактов, бесследно испарился.

Довольно-таки злая, я вернулась за стол и принялась ожесточенно жевать листики петрушки – все, что осталось съедобного. Неужели я настолько непривлекательна, что от меня шарахаются все парни? Может, на меня наложено проклятие? Венец безбрачия?

– Гелька, привет! – раздался веселый голос. Мимо проходил реалист Славик, прикольный парнишка с нашего потока, конопатый, лопухий и вредный.

– Чего такая кислая? Почему не танцуешь?

– А ты что, хочешь меня пригласить? – с затаенной на-

деждой спросила я.

– Э... Минут через пять, – сказал Славик, шагая мимо меня в сторону выхода.

Да что они, стоворились, что ли? Я проследила глазами за удаляющейся спиной Славика. Увидела, как за ним закрывается белая дверь с черным перевернутым треугольником.

Мда... То-то я думала, куда они все так рвутся... Мне стало ясно. Я, похоже, просто выбрала неудачное место – прямо по дороге в туалет.

Несколько секунд я колебалась – впасть по этому поводу в депрессию или посмеяться. Выбрала второе. Можно было сменить диспозицию – перебраться подальше от входа, – но танцевать почему-то расхотелось.

Я решила сходить к столу учителей, чтобы поздороваться с Антониной, но по пути меня снова окликнули.

– Ага, Геля! Ты-то мне и нужна!

Слава Богу, хоть кому-то я тут нужна! Обернувшись на голос, я увидела за одним из столов Костика Малевича.

Костик – нарядный, даже элегантный, сидел в одиночестве над куском торта, словно этакий суровый лорд Байрон на балу разнузданных аристократов. Выражение лица у Костика было одновременно надменное и трагическое, но при виде меня он явно оживился.

– Садись сюда, – сказал он. – Я тебя искал. Хочешь торта?

– Ага, – охотно подтвердила я, садясь рядом с ним.

Костик пододвинул ко мне блюдо, достал откуда-то чи-

стый бокал, налил вина – и все это проделал изящно и отстраненно, безо всякой личной заинтересованности. Просто хорошие манеры – вроде такая мелочь, а насколько редко их в жизни встретишь...

– Ну как зачет? – завела я светскую беседу. – Пересдал?

– Нет, и не пытался. Я же сказал, что бросаю Чистое Творчество.

– А зачем сюда пришел? Передумал?

– Сейчас объясню...

Костя оглянулся, сунул руку во внутренний карман пиджака, достал сложенный вдвое лист бумаги, развернул и протянул мне.

– Смотри. Мое задание с зачета.

Это была отксеренная литография, сюжет которой мне был знаком. Человек в камзоле спит, уронив голову на стол, а над ним роится зооморфная туча из глаз, когтей и перепончатых крыльев.

– Одного я не пойму – почему Антонина выдала мне именно эту картинку? – задумчиво произнес Костик. – Узнаешь сюжет? Я несколько секунд помедлила, пытаюсь понять, в чем подвох.

– Конечно. «Сон разума порождает чудовищ». Гойя, «Капричос». И что?

– Ты никогда не задумывалась, что на ней изображено?

– Ну... человек спит, и ему снятся кошмары...

– Гелечка, все не так примитивно. Это изображение ма-

стера Чистого Творчества в состоянии спонтанного неконтролируемого творческого акта.

– В смысле?

– Разум мастера спит, – зловещим тоном сказал Костик, – а в это время его больное подсознание продуцирует монстров. Вполне реальных.

Я пригляделась к картинке внимательней. Потом к Костику.

Его выражение мне совсем не понравилось.

– Что это мастер за столом-то уснул? – попыталась я разрядить атмосферу. – Лицом в салате?

Костик шутку проигнорировал.

– Я эту картинку как увидел, – заговорил он, глядя на спящего мастера, – да как въехал в ее смысл... Мне чуть худо не стало. Геля, почему нас никто не предупреждал?

– О чем?

– Об опасности Чистого Творчества? О его темной стороне?

Я насторожилась. Ого, какой пошел разговор...

– Какие еще опасности?

– Это же очевидно! Поразительно, что во всем этом училище никто ни разу не задумался – чему его учат? К чему готовят? Если бы вы все только на мгновение подумали – куда вас ведут? – вы бы плакали, а не плясали! Чему вы радуетесь, дебилы?!

Произнося эту речь, Костик постепенно повышал голос, и

последние слова он почти выкрикнул. Некоторые из танцующих обернулись.

Я невольно втянула голову в плечи и подумала, что этот разговор надо немедленно сворачивать и отваливать от Костика подальше... Ой, не просто так он сюда явился...

– И я был таким же, как вы! – продолжал кликушествовать Костик. – Годами упирался, гнался за рекордами, и только отказавшись от Чистого Творчества, обрел способность взглянуть на него со стороны – и ужаснулся...

Костик ткнул пальцем в картинку и яростно заявил:

– Это про нас! Да, я не оговорился – это то, что в самом ближайшем будущем ждет нас всех – и мастеров, и их жертв!

– Каких еще жертв? – обалдела я.

– Геля, я надеялся, что хоть ты будешь способна понять! Проснись! Задумайся!

– И все-таки, хотелось бы уточнить – в чем именно заключается опасность Чистого Творчества? – пропищала я, стараясь делать вид, будто ничего особенного не происходит.

Костик глубоко вздохнул, налил себе стакан сока.

– Пока ты всего лишь ученик, – начал он, – в принципе, ты вредишь только себе. Твои чертовы способности под контролем школы. Но что происходит дальше? Что будут делать завтра все эти дипломированные мастера? Залезь в голову кому угодно, – Костик вдруг одним движением развернул мой стул к залу, – и что ты там увидишь? Вот, к примеру, Эдик, – он указал на красавца-иллюзиониста, с которым я

так неудачно потанцевала. – Я его с детского сада знаю, живем рядом. А знаешь, что он в детстве любил лягушек надувать?

– Как это?

– Ловишь лягушку, вставляешь ей в зад соломинку и надуваешь. Потом бросаешь на асфальт и давишь ногой. Получается громкий «хлоп». Кишки в разные стороны разлетаются. Круто, правда?

– Фу!

Я с содроганием взглянула на брюнета. Чтобы я еще хоть раз к нему приблизилась... мерзость какая!

– Я ведь даже не о том, что он в душе садист, – шепотом добавил Костик. – Ты представь себе его творчество. Что он может творить, с его гнусной душонкой?

– М-м... наверно, ты прав.

– Не убедительно? Хорошо, другой пример. Хм... Катька Погодина? Помнишь ее? Она умна, талантлива, но тем хуже! Можешь представить, какой заряд зла она понесет в мир?

Я с жаром закивала. Если речь о Погодиной, то я была полностью согласна со всем, что говорит сейчас Костик.

– Точно! Давить таких мастеров! От них один вред человечеству!

– Ну, вот видишь, – обрадовался Костик. – А я еще о ее папаше ни слова не сказал... Он – живое свидетельство того, какое разрушительное влияние оказывает патологический творческий гений на тысячи, десятки жертв... Вон он,

гад!

Посмотрев туда, куда он указывал, я застыла в ужасе – за учительским столом сидел мэтр Погодин и смотрел прямо на нас.

– Воплощенное зло!

Я хотела заткнуть Костику рот (не потому, что была с ним не согласна), но было поздно. Мэтр Погодин грузно встал из-за учительского стола и направился к нам.

Костик, наконец, заметил приближение противника и как будто даже обрадовался.

– Здравствуй, Костя, – не сулящим ничего доброго тоном произнес Погодин. – Празднуем?

Меня он проигнорировал.

– Нет, печалимся, – в тон ему ответил Костик, стряхивая невидимые пылинки с лацкана пиджака. – Давно не виделись, Михаил Петрович. Как дела у Кати?

– Прекрасно, – Погодин навис над столом всей своей тушей. – Мне показалось, ты о ней что-то говорил?

– Правду, Михаил Петрович. То, что есть на самом деле. Можно мне наконец сказать то, что я думаю, после долгих лет непрерывного вранья?

– Я и не знал, Костя, что ты такой хронический врунишка, – издевательски ответил Погодин.

– Хотите, повторю для всех? – охотно предложил Костик. – В микрофон?

– Не хочу.

Лицо мэтра, до того презрительно-добродушное, вдруг окаменело.

– Я хочу, чтобы ты извинился. Немедленно. В микрофон не обязательно. А потом немедленно отсюда ушел. Или хотя бы заткнулся до конца этой вечеринки.

Видя, что на меня не обращают внимания, я быстро оглянулась по сторонам и с облегчением увидела, что к нашему столу спешит Антонина.

– Я не буду извиняться, – громко сказал Костик. – Не вижу причины. Можно я доставлю себе такое удовольствие? Вы, конечно, будете грозить и топтать ногами. Но мне вы все равно ничем навредить не сможете. Я оставил Чистое Творчество навсегда.

На лице Погодина, уже открывшего рот, проступило такое же ошеломленное выражение, какое, наверно, было в Удельном парке у нас с Людой.

– Вы можете попробовать устроить гадости моим родителям, – продолжал Костик. – Но я вам так скажу – если из-за вас у них возникнут проблемы в Академии, я вам буду только благодарен. Чем больше мастеров будет отстранено от Чистого Творчества, тем лучше для человечества.

Погодин несколько секунд смотрел на него в упор.

– Костя, да ты выпил, что ли? Что ты за ерунду городишь? – спросил он, вдруг улыбнувшись. – Какие еще проблемы? Мы с твоим отцом давние приятели. Противно слушать, ей-богу...

Как и весь его предыдущий гнев, нынешнее добродушие Погодина выглядело насквозь фальшивым. Однако мне показалось, что в глубине души мэтр остался чем-то доволен.

– Что случилось? – к нашему столу подоспела Антонина.

Погодин повернулся к ней, и снисходительное выражение его лица мгновенно изменилось на начальственно-разгневанное.

– Антонина, у меня к вам вопрос! Что делает на выпускном вечере не аттестованная ученица?

И мне в лицо уперся толстый палец.

Я почти ожидала, что Антонина вцепится Погодину в глотку. В ее свирепости есть по крайней мере одна хорошая сторона – своих учеников она никому в обиду не дает. Но вместо этого она испуганно заморгала и промолчала.

– Довожу до вашего сведения – эта девица в Академии Художеств учиться не будет.

И Погодин удалился, грозный и массивный, как ракетный крейсер. Я ошеломленно провожала его взглядом. Что он сказал?! На миг у меня закружилась голова. Зал сливался в одно сверкающее пятно, звуки отдалились и смешались...

– Мои поздравления, – услышала я издалека голос Костика. – Геля, ты только не думай, я не нарочно...

И рывканье Антонины:

– Константин! Ну-ка, пошли со мной, побеседуем... Геля!

– Что? – я как будто проснулась.

– Не обращай на Михаила Петровича внимания, – пони-

звив голос, сказала учительница. – Сейчас для тебя самое главное – практика. Если ты ее успешно пройдешь, вопрос с зачетом станет неважным.

Но никакой уверенности в ее голосе я не ощутила.

Глава 9. Отпечаток кровавой ладони и макаронное дерево

Выпускной удался. Таково было мнение практически всех наших преподавателей и выпускников. Восторг и море воспоминаний на всю оставшуюся взрослую жизнь. А у меня всех впечатлений – два корявых танца, столы с объедками, безумный разговор с Костиком и прогноз Погодина относительно моей дальнейшей безрадостной судьбы.

– Ну так что ж ты опоздала-то? – сочувствовала мне по телефону Маринка. – Кто же к концу приходит? Пропустила все самое интересное!

Я мрачно врала, что у меня разболелся живот.

– Поду-умаешь! Собралась бы с силами, наелась каких-нибудь таблеток, и пришла. Вот я бы – на костылях приползла! Выпускной-то раз в жизни бывает!

От таких утешений хотелось выть и скрежетать зубами. Еще хотелось кого-нибудь убить. Например, папу. Или так не вовремя подвернувшегося мне Сашу Хольгера, который после того случая пропал с концами и даже не позвонил (это как раз неудивительно). В моей семье тема Саши была закрыта. Родители старательно обходили ее молчанием – наверно, решили продемонстрировать, что они меня простили, и какие они добрые и снисходительные.

«Ты сама себя наказала», – только и сказала мне мама.

В чем я провинилась? Почему папа выгнал Сашу? Внятных объяснений я так и не получила. Мама высказалась в том духе, что Саша приличным людям больше не компания, что он разбил материнское сердце, что он социально опасен, и общаться мне с ним ни в коем случае нельзя. Папа ко всему этому добавил, что Саша – пропащий человек, и что ему жаль его родителей (особой жалости я в его голосе не ощутила). И тоже ничего конкретного не сказал. Вообще родители вели себя так, словно я и сама должна все знать, а вслух об этом говорить неприлично.

Озадаченная и возмущенная, я решила, что так этого не оставлю. На следующий день несколько раз звонила Хольгерам. Трубку никто не взял.

– Мам, ты не знаешь, у Хольгеров телефон не менялся? – спросила я ближе к обеду.

– Не знаю, а что? – настороженно ответила она.

– Хочу позвонить тете Наташе, убедиться, что с Сашей все в порядке, – с вызовом сказала я. – Что он нормально доехал *один* до дома.

У мамы при слове «Саша» опять сделалось испуганно-виноватое лицо. И в то же время очень замкнутое: «Ничего не знаю, ничего не скажу».

– Да ты что, Гелечка – Хольгеры давно уже переехали! Уже наверно полгода прошло. Ну ты даешь, вечно как проснешься...

– Правда? А куда?

– Куда-то к черту на рога... на юго-запад.

– Точно?

– Ну что я тебя, обманывать буду?

Не знаю, не знаю... Куда же вчера ехал Саша? Он сказал – я пойду, тут уже близко... Нет, я была уверена – он ехал по старому адресу.

Я решила больше не допекать маму, а разведать все сама. Все равно пора в училище – Джеф к четырем велел нам с Галушкиной прийти на практику. Сашин дом почти по дороге. Задержусь на полчаса, не больше.

До квартиры Хольгеров я добралась без приключений, даже этаж не перепутала. Мне было немного неловко – взяла и приперлась без приглашения. Но поддерживало чувство своей правоты. Сделав глубокий вздох, я недрогнувшей рукой нажала на кнопку звонка. Дверь никто не открыл. Впрочем, это еще ничего не значило.

Я внимательно осмотрела лестничную площадку и вскоре обнаружила два бурых пятнышка у лифта и одно у двери Хольгеров. Как будто вареньем капнули... а может, и не вареньем. На дверной ручке остался такой же смазанный бурых след. А рядом на стене нечто куда более определенное – четкий отпечаток ладони.

Итак, Саша Хольгер здесь был. Тут он шел от лифта, тут опирался о стену окровавленной рукой – он ведь не успел умыться. Я только начала промывать ему рану, когда явился

папа. Значит, мама обманула меня. Хольгеры по-прежнему тут живут. Почему же никто не берет трубку? Я решила позвонить еще раз вечером, когда Сашины родители вернутся с работы.

На практику я опоздала, но оказалось, ничего страшного. Кабинет был закрыт, по этажу одиноко болталась Галушкина.

Джеф появился на двадцать минут позднее меня. Прикаптал на своем «Патриоте» с какой-то девицей, которая каждые три минуты звонила ему на мобильный. Джеф нервно рычал в трубку: «Скоро я, скоро! Уже выхожу!»

– Значит так, девчонки, – торопливо начал он. – Встречаемся завтра в десять вечера возле входа в училище. Форма одежды спортивная. С собой иметь электрический фонарик.

– В смысле?!

– Чего тут непонятного? – нетерпеливо огрызнулся Джеф. – В данном случае я не усматриваю никаких проблем. Работать будем по несложной схеме: заходим в домен – находим демиурга – получаем диплом!

– Как у тебя все просто, – язвительно пробормотала я. – Заходим – находим...

– Именно так! – у Джефа опять завибрировал телефон. – Кстати, девочки, вы не забыли о домашнем задании? Придумать средство проникновения в Пятно Страха. Результаты раздумий в печатном виде в двух экземплярах иметь с

собой...

– Вот так, значит! Как в армии! А почему именно завтра, а не прямо сейчас?

– Сегодня у меня дела. Короче: завтра к десяти, как штык, с проектами... И не опаздывайте! Кто опоздает, поедет на метро. Слушай, зая, – это уже в трубку, – да перестань ты нервничать! Купим мангал по дороге, на любой бензоколонке... Да иду я, иду!

И выскочил из кабинета.

Несколько минут я бесцельно стояла под дверью, мысленно ругая Джефа. Лентяй несчастный! Что он там задумал? Средство проникновения ему, видите ли, в двух экземплярах! А почему не в трех?

– Будет ему такое средство, что он его на всю жизнь запомнит, – пообещала я вслух, направляясь к лестнице. – Или, может, ты сама хочешь что-нибудь придумать?

Галушкина испуганно заморгала и проямлила что-то насчет того, что так быстро не сумеет. Ясное дело, кто бы сомневался. Значит, опять все тяготы падут на меня. Просто зло берет! Вместо того, чтобы, как все нормальные люди, идти на пляж или в парк, придется напрягать мозги, копаться в справочниках. Хорошо Джефу – дал задание, и весь день свободен. Да, в роли учителя он явно не перетрутился!

– Ты сейчас куда? – спросила я Галушкину.

– Не знаю... Домой, наверно.

– Пошли в буфет? Обсудим задание и вообще...

Буфет у нас в училище славный: чистенький, такой безвкусно-уютный. Скатерти в горошек, занавески в полосочку, на стенках цветы в плетеных кашпо – буфетчица сама сплела, она макраме увлекается. Посетителей совсем мало, каникулы.

Галушкина взяла себе борщ, отварные макароны и компот. Борщ оказался горячим, она отставила его в сторону, придвинула к себе макароны и принялась меланхоличноковыряться в них вилкой.

Мне есть не хотелось. Я купила чай и вернулась к начатому на лестнице разговору. Вернее, монологу, поскольку Галушкина почти ничего не отвечала, на меня глаз не поднимала, и я даже не была уверена, что она меня слушает.

– Интересно, что это все означает? Спортивная одежда, фонарик...

Галушкина пожала плечами, размазывая макароны по тарелке.

– Зуб даю, Джеф готовит вылазку в Пятно. Разведка боем – это в его стиле. А вперед зашлет, конечно, нас с тобой. Отморозок. Я с ним уже работала. С ним вообще надо поосторожнее, имей в виду. Ха, не в смысле чтоб бояться за девичью честь, а в том, что втравит он нас в проблемы. Оглянуться не успеешь, а вокруг все горит и рушится, и ты уже во всем виновата. А Джеф белый и пушистый, скромненько стоит в сторонке... Хотя, может, он переменялся. Вот, на

джипе разъезжает. В те времена, когда я с ним общалась, он сторожем работал на стройке, ходил грязный, небритый... А что это ты делаешь?

Я случайно взглянула в тарелку Галушкиной и у меня глаза на лоб полезли. Двоячница плела из макарон узоры. Точнее, макароны сами собой, почти незаметно для глаз, шевелились в тарелке, сплетаясь в замысловатые и весьма красивые сети. Узор все усложнялся, обрастал петельками и загогулинами... Потом на конце одной макаронины появилось утолщение, которое набухло, раскрылось, и оказалось бутонном с пятью желтыми лепестками.

– Ого! Круто! – восхитилась я. – Макаронная лиана!

Галушкина вздрогнула и попыталась прикрыть тарелку локтем.

– Не закрывай, мне нравится. Цветущие макароны – это мощно! А с шипами можешь?

– С шипами мне сейчас не хочется, – буркнула Оксана.

У меня между тем разыгралась фантазия.

– А слабо сплести сеть из борща?!

– Хм... Из борща? Это как?

– Ну, смотри – в нем капуста. Если сплести из нее такие бледно-зеленые гирлянды, потом скрепить луковыми кольцами, а по поверхности пустить куски свеклы для эстетики...

Галушкина с сомнением посмотрела на борщ...

И вдруг суп встал дыбом. Над глубокой тарелкой вмиг воздвиглась сверкающая полусфера, похожая на знаменитый

Оперный театр в Сиднее. Несколько слоев капусты выступали один над другим, составляя каркас. Капли бульона поблескивали как стразы на бордовом бархате, или, точнее, как капли росы в чашечках свекольных цветов.

Люди за соседними столиками начали поглядывать на нас с интересом.

– Потрясающе! Как это у тебя получается?

– Не знаю. Это у меня от природы.

– Научишь?

Галушкина впервые взглянула мне в лицо настороженными темными глазами – было видно, что она по-настоящему удивилась.

– Тебе правда хочется?

– Ага.

– Ну... Находишь подходящую основу – любую – и просто даешь ей расти. Одно из другого, другое из третьего. Главное, чтобы не было ни единого разрыва. Понимаешь, сверху красиво, а внутри – решетка...

Я не очень понимала, но не перебивала ее, терпеливо наблюдая, как Галушкина мучается, подыскивая слова. Это довольно сложно – объяснить то, что для тебя естественно, как дыхание. Знаю по опыту.

– Главное... м-м-м... чтобы решетка была очень прочной. Ты должна это чувствовать. Цветы – это просто маскировка. Шипы – это... м-м-м... предупреждение.

– Ага. А как выбирать – цветы или шипы?

– Зависит от настроения. И от ситуации. Ты попробуй, а я подскажу...

Я перевела взгляд на стену, где на большой белой доске маркером было написано меню, и принялась его изучать, чтобы выбрать подходящее блюдо.

– А из компота слабо? – крикнули из-за соседнего столика.

Я оглянулась и увидела, что за нами наблюдает весь буфет.

– Какой компот? – деловым тоном спросила Галушкина.

– Вишневый.

– Так, вишневый, – перебила я с энтузиазмом. – По вишням я специалист. Дайте-ка мне...

Выхватив у Галушкиной стакан, я пристально посмотрела на плавающую в мутной водиче коричневую вишенку, зазмурилась...

Раздались одобрителльные возгласы и аплодисменты. Я открыла глаза и увидела растущий из стакана живописный колючий кустик, усеянный белыми цветами.

«Пойти Антонине показать, что ли? Скажу, что это моя сакура дала побег. То-то она обрадуется!» – невольно промелькнула вредная мысль.

– Ну как – правильно? – обратилась я к Галушкиной.

– Не-а, совсем неправильно, – улыбаясь, сказала она. – Должен получиться кокон, а у тебя все торчит в разные стороны. Но все равно здорово.

Улыбка у нее была совершенно детская – с ней Галушкина

выглядела лет на тринадцать, и притом гораздо симпатичнее, чем обычно. Только я хотела ей об этом сказать, как раздался вопль буфетчицы:

– Эт-та что еще за фокусы! Деревья растить – это в классах, а у нас тут едят!

Улыбка Галушкиной тут же потухла. Как будто она в один миг надела маску. Капустная сфера, булькнув, обрушилась обратно в тарелку.

– Нечего баловаться. Идите-ка отсюда!

– Смотрите, ничего нет! Вам показалось!

– Знаю я ваше «показалось»! Хулиганки!

– Геля, там, по-моему, к тебе пришли, – тронула меня за руку Галушкина.

Я оглянулась в сторону двери. Из-за косяка высовывалась знакомая оранжевая голова. Рыжик!

Бойфренд подавал мне знаки и радостно ухмылялся.

– Гелька, а я за тобой. – крикнул он. – Пошли на Елагин на лодках кататься! Я тебе сюрприз приготовил!

– Все, ухожу! – я вскочила с места. – Оксана, пока!

– А это кто уберет?! – буфетчица ткнула пальцем в куст.

– А это вам в подарок!

И я выскочила за дверь.

Глава 10. Японская макака

На Елагином острове Рыжик тут же повел меня на лодочную станцию, взял лодку, сел на весла и куда-то целенаправленно погреб. Напрасно я допытывалась, куда и зачем.

– Кое-что тебе покажу, – с очень таинственным видом отвечал Рыжик.

– Сюрприз-то хоть приятный? – на всякий случай уточнила я. От Рыжика, с его патологическим чувством юмора, можно ожидать чего угодно. Бойфренд, загадочно улыбаясь, работал веслами.

– Подумал, надо тебе как-нибудь развеяться. А то ты последнее время запаренная какая-то. Проблемы?

– Да, в училище. Диплом мне не выдали, гады. И всего-то из-за одного-единственного несчастного зачетика... Кстати, Рыжик, – спросила я без особой надежды, – как бы ты решил такую загадку? Представь, что тебя запирают в комнате и дают три шара...

– А, я знаю эту загадку! Значит, один – сломать, второй – потерять...

– Да надоел уже со своими бородатыми анекдотами! Я же серьезно спрашиваю!

– Ну как я могу решать такие задачи серьезно? Хоть по какому предмету-то? По физике?

– Ай, ладно. Проехали.

Мимо проплывали травянистые берега и плакучие ивы. Один пруд плавно переходил в другой. Мы проскользнули под низким мостиком, миновали тесный шлюз, отталкиваясь веслами от бетонных стен, и оказались в илистой протоке между двумя островами. С обеих сторон высился настоящий лес. Над мутной водой нависли кроны деревьев, застилая небо. Весна уже заканчивалась, прозрачная нежность листвы ушла, парк стал зеленее и темнее, чем неделю назад. На высоких, крутых берегах – не сразу найдешь место, чтобы пристать, – разросся бурьян в пол человеческого роста. На склонах виднелись змеевидные сюрреалистические корни, так что казалось, будто мы где-то в джунглях.

Рыжик выбрал место и направился к берегу. Там, низко склонившись, окунув в воду ветви, росла старая ива.

Мой друг привязал лодку и помог мне перебраться на ветку.

– Гелька, просьба – вести себя **ОЧЕНЬ** тихо! – прошептал он.

– Почему?

– Увидишь.

Следуя за Рыжиком, я полезла дальше по широкому влажному стволу ивы. Добравшись до развилки, где ствол стал сухим, Рыжик уселся, свесив ноги, и посадил меня рядом с собой. Я хотела спрыгнуть на землю, но он меня удержал.

– Иди сюда, – прошептал он, обняв одной рукой. Несколько минут мы сидели на стволе, как две птички, и чего-то жда-

ли.

– Чего застрял, прыгай на землю!

– Тихо, сказал же! Сиди, смотри и слушай. Открой глаза и уши, а рот закрой.

– Но...

Рыжик молча (впрочем, довольно деликатно) зажал мне рот, а другой рукой крепко стиснул мой локоть.

«Это и есть сюрприз?» – мелькнула в голове мысль. Но в следующий миг Рыжик шепотом воскликнул:

– Смотри! Вот она!

На соседней ветке появилась обезьяна! Самая настоящая. Довольно крупная, серая, с белым воротником и плоским розовым носом. Обезьяна приближалась к нам, изящно перебирая лапами и покачивая в воздухе хвостом. Не дойдя метров двух, она остановилась, повернула к нам мордочку и уставилась недоверчиво, готовая в любой миг смыться.

– Какая красивая! – забыв о запрете, воскликнула я. – А лапки... глянь, как у человека! С пальчиками!

– Не двигайся, – прошипел Рыжик. – Спугнешь!

Я и не собиралась ее пугать. Мне самой было немного бо-язно. Зверюшка-то немаленькая, и кто ее знает, что у нее на уме? Вдруг тяпнет?

Обезьяна подозрительно разглядывала нас еще примерно полминуты, переминаясь с лапы на лапу. Потом ей, видимо, надоело. Или она решила, что пора, наконец, испугаться? Обезьяна вскочила, упруго подпрыгнула, совсем по-че-

ловечески схватила руками за ближайший сук, и, перебрасывая себя с ветки на ветку помощью лап и хвоста, скрылась в зелени.

Я перевела дыхание и воскликнула:

– Что это было?!

– Макака, – сказал Рыжик с такой гордостью, как будто эта обезьяна была его родной дочерью.

– Откуда она здесь взялась?

– Ну, догадайся.

Хм, будь на месте моего бойфренда любой парень из училища, я бы сразу решила – либо сотворил, либо навел иллюзию. Елагин остров у наших место популярное и натопанное. Но откуда мог притащить сюда макаку простой парень Рыжик?

– Она из зоопарка, – раскололся он. – Правда, правда! Что ты на меня так смотришь? Это не я ее сюда принес! Обезьян сюда привозят на лето. Выпускают пастись. Их тут много, целая стая.

– Да хватит врать! Они бы давно уже разбежались.

– Тут же остров, им на другой берег не переплыть. Людей они не трогают. Люди их тоже хрен поймают...

– Но им же холодно!

– Это серые японские макаки, или типа того. Они холода не боятся. Они в горах живут. На Хоккайдо.

Я неожиданно умилилась. Надо же, как Рыжик подготовился! Даже породу макак выяснил.

– Ах, круто. Настоящий сюрприз. Спасибо, милый...

– М-да? Вот так, официально – «спасибо»?

После этого про обезьян было забыто надолго – Рыжик прижал меня к себе, и мы целовались, сидя на дереве, пока у меня не заболели губы.

– А знаешь, о чем я сейчас подумал? – промурлыкал истомленный поцелуями Рыжик через неопределенный, но длительный отрезок времени.

Я затаила дыхание. Неужели признается в любви? Давно пора, но он все молчит. И даже знаю почему – боится себя связать. Опасается, что я его на слове поймаю. Глупенький...

– На дереве-то я с девчонками ЭТИМ еще не занимался! Тьфу, пошляк.

– И не займешься, – с досадой обломала я его. – У во всяком случае меня в это не впутывай. Во-первых, на дереве жестко, во-вторых, сыро, в-третьих, я не хочу, чтобы за нами подсматривала целая стая макак...

– Гелечка, неужели тебя смутят такие мелочи? – спросил Рыжик, пытаясь меня зачаровать «специальным» взглядом своих роскошных глаз.

– Это не мелочи, а этика и гигиена, – сказала я педантским тоном, копируя интонации Антонины. – И вообще поплыли отсюда, нам через десять минут лодку сдавать...

– Ну, поплыли, – с глубоким вздохом согласился Рыжик, печалась, что еще одной его дикой мечте суждено остаться нереализованной.

Вечер был до того теплый, что обратно мы прогулялись пешком – неплохая прогулка, километра на три-четыре. На подходе к дому Рыжик ни с того, ни с сего небрежно сказал: – Слышь, Гелька... я на тебе, пожалуй, когда-нибудь женюсь.

И скосил на меня глаза – как я отреагирую.

Я долго смеялась. Рыжик сделал вид, что обиделся, и остаток пути со мной не разговаривал, но наверняка на душе ему полегчало.

Тоже мне, одолжение делает! Небось, думает, сейчас-то я в него и вцеплюсь – побежали в ЗАГС! Да я вообще не собираюсь замуж раньше двадцати девяти, как все нормальные девушки в Западной Европе. И, кроме того, если я и выйду замуж, так уж точно не за Рыжика. Как кандидат в мужья, Рыжик не выдержит конкурсного отбора. Муж – о, это дело серьезное. К нему особые требования, гораздо выше, чем просто к бойфренду.

Ну, во-первых, муж должен быть авторитетом – иначе зачем он вообще нужен? А какой авторитет из Рыжика? Курам на смех! Честно говоря, пока я еще не встречала ни одного парня, который был бы умнее меня. Я не утверждаю, что их нет – наверно, они мне просто не попадались. Может, таких будет много в Академии.

Во-вторых, важен внешний вид мужа, так сказать, экстерьер. Мой идеал (ну, банальный, и что с того!) – высокий ши-

рокопечий блондин. Типа Саши Хольгера. Влюбленность давно прошла, а идеал остался. Только, в отличие от мрачного аутсайдера Саши, мой будущий муж будет в жизни успешен: карьера, деньги, все такое. А по характеру... ну, пусть тоже похож на Сашу Хольгера. Такой загадочный, надменный, самодостаточный...

М-да, что-то я на Хольгере заиклилась...

Мы добрались до дома в одиннадцатом часу и нежно прощались еще минут сорок. Стояли под сенью цветущего куста и висли друг на друге, никак не в силах расстаться. А в любви упрямый Рыжик так мне и не признался.

Войдя в квартиру, я первым делом позвонила Маринке и сообщила потрясающую новость – Рыжик сделал мне предложение!

– Да? – кисло спросила он. – И когда свадьба?

Я почувствовала, как ее на том конце аж перекосило от зависти, и пообещала пригласить ее в свидетельницы. Тогда Маринка сразу повеселела и даже пожелала нам счастья в семейной жизни. Я утешила ее тем, что еще ничего не решено. И попросила никому пока не рассказывать. Надеюсь, завтра новость будет известна всем нашим общим знакомым.

Повесив трубку, я еще долго сидела у телефона и думала о Рыжике. Все-таки в моем бойфренде что-то есть, если он – воплощенная противоположность моего идеала мужчины, – а мне с ним так хорошо.

Уже в постели вспомнила, что собиралась позвонить Хольгерам. Не поленилась выбраться в коридор, но напрасно – трубку опять никто не взял. Романтическое настроение сразу испортилось, в голову полезли мрачные мысли.

Сама не знаю, почему я восприняла так близко к сердцу все эти Сашины неприятности. Не то, чтобы какие-то прежние чувства. Какое там – что было, то прошло. Скорее, желание исправить несправедливость... да и по-человечески жалко парня. Что же он с собой сделал, что все его теперь гоняют, как бешеного пса? Почему с ним так обращаются люди, которые знали его всю жизнь?

Я вспомнила Сашино выражение лица, когда папа выставил его за дверь – он, этот гордец Саша Хольгер, даже не обиделся... и как будто не удивился. Но главное – это его «спасибо». Я ведь и прежде старалась помогать ему, чем могла, но он меня еще ни разу ни за что не благодарил.

«Позвоню завтра еще раз, – решила я, засыпая. – Последний...»

Глава 11. Тайна Саши Хольгера

Утро следующего дня я собралась посвятить раздумьям о «средстве проникновения в Пятно Страх», но меня внезапно обуяла невероятная лень. Наверно, дело в магнитных бурях. Мама, например, списывает на них любые недомогания и перепады настроения. Чтобы взбодриться и привести мозги в рабочее состояние, я решила немного поиграть на компьютере – пройти какую-нибудь небольшую, простенькую кампанию. Сразу помогло! Сонная вялость ушла, время потекло легко и приятно. Родители на работе, за окнами солнышко и зеленая листва – красота! А компьютерные игры способствуют развитию интеллекта, развивают реакцию и стратегическое мышление...

В общем, когда я с воспаленными глазами отвалилась от монитора, оказалось, что уже давно пора обедать.

По дороге на кухню я чисто рефлекторно, особо ни на что не надеясь, набрала номер Саши Хольгера.

– Геля? – раздался в трубке Сашин голос.

Благодушное, расслабленное настроение как рукой сняло.

– Ой! Как ты угадал?

– Телепатия.

– Здорово, что я тебя застала! Ты вообще как себя чувствуешь? Ну, в смысле...

– Не очень. В смысле, хреново.

Саша помолчал и сказал с незнакомой просящей интонацией.

– Геля, ты меня не выручишь? Понимаешь, мне... Я не могу выйти из дома. Ты не можешь приехать и привезти чего-нибудь пожрать? А то у меня еда кончилась. Я тут, типа, голодаю.

– Конечно, без проблем, – взволнованно пролепетала я.

– Деньги я отдам.

– Да при чем тут деньги! А чего тебе купить?

Вопрос повис в воздухе – Саша уже положил трубку.

Естественно, обед был сразу отменен. Через десять минут я торопливо выходила из дома с целым пакетом медикаментов, опустошив аптечку. Какой ужас! Саша – один, раненый, третий день без еды! Без врачебной помощи! Куда смотрят его родители?!

По дороге я забежала в ближайшие «24 часа», купила кое-какую диетическую еду: кефир, пачку пельменей и сухой тортик, – и понеслась на трамвай.

Всю дорогу я представляла себе кошмарные картины. Изможденный, мечущийся в лихорадке Саша распластался на грязном полу, не в силах самостоятельно добраться до кровати. Рана воспалилась, начинается заражение крови и гангрена, сделать уже ничего нельзя. Родителей нет и в помине (переехали на «юго-запад». Юго-запад чего? В Португалию, что ли?) Ко мне тянутся иссохшие пальцы: «Воды! Хоть капельку воды!» Но слишком поздно. Саша умирает у меня на

руках, посвящая меня в страшную тайну своей гибели и завещая месть. Вот я инкогнито присутствую на его похоронах – черное пальто, темные очки, сжатые губы... Да, у нашего несбывшегося романа был бы красивый конец...

Поэтому, когда Саша открыл дверь, я даже слегка разочаровалась. Он был на ногах – мрачный и бледный, но вполне здоровый на вид. Единственным, что реализовалось из моих видений, был фантастически грязный пол.

– Привет, – буркнул Саша, и тут же сунул нос в пакет. – Кефир? Что это за отстой?

– Блин, так надо было мне меню продиктовать! – сердито ответила я, пока Саша вытаскивал из пакета «диетическую» снедь.

– Ладно уж, сойдет. Пельмешки, ага... А хлеб где? Сметанки тоже прихватить не догадалась?

Саша унес пакет на кухню. Вскоре оттуда донесся звук льющейся воды. Я разулась и прошла в гостиную. М-да, как же тут все изменилось с прошлого года. Квартира находилась в состоянии, которое Антонина поэтически именовала «вселенский срach». Сразу видно, что Сашины родители тут действительно больше не живут. Палас на полу в гостиной усыпан крошками и скорлупками от фисташек, на мебели – толстый слой пыли, цветы в горшках завяли, повсюду кучами набросана одежда, кровать не убрана...

– На тебя варить? – донесся голос с кухни.

– Давай.

Я прошла на кухню и села за стол, уставленный немывтыми тарелками. Саша возился у плиты. Теперь я могла рассмотреть его внимательнее. Как же он похудел! Лопатки и позвонки выпирали из-под несвежей футболки, лицо стало каким-то костистым, глаза запали. Недовольство, вызванное насмешками над набором продуктов, быстро сменилось искренним сочувствием. Теперь я уже не думала, что Саша позвал меня потому, что просто поленился дойти до магазина. Он в самом деле был нездоров.

– Извини, что так все вышло, – сказала я. – Ну, с папой. Я не думала...

– Плевать.

– Не знаю, что на них нашло. Папаша словно озверел...

– Сказал же, забей. Наверняка мои родители что-то ему наговорили. Они ведь...

– Что?

– Неважно.

Саша отвернулся к плите и принялся сыпать пельмени в воду. На мои попытки вернуться к теме он не реагировал. А когда я завела разговор о нашей встрече в метро, вообще умолк.

Я поняла намек и сменила тему.

– Как дела в школе? Экзамены уже кончились?

– Я ее бросил, – равнодушно сказал Саша. – Еще осенью. Мне сейчас не до учебы.

– Доучился бы, – осторожно сказала я, кляня себя за бес-

тактность. – Всего ведь год остался...

Саша махнул рукой и помрачнел.

– И где ты сейчас? – спросила я после долгой, неловкой паузы.

– На стройке. Тут неподалеку, на Комендантском.

– Кем?

– Чернорабочим.

– И как, нравится? – задала я идиотский вопрос. – Ну, в смысле, наверно, денег много зашибаешь?

– На жизнь хватает, – Саша подумал и добавил. – А так... Ты знаешь, пожалуй, что и нравится. На стройплощадке жизнь такая... ну, какая и есть. Сразу понятно, что все это не имеет ровно никакого значения. Вот тачка, вот песок, вот цемент, и все. И народ простой...

– Наверно, одни алкаши? – спросила я, задумчиво глядя на батарею пыльных пивных бутылок на подоконнике. – Ой, в смысле – пролетарии? Не с кем словом перекинуться?

– Как раз наоборот! – с внезапным воодушевлением возразил Саша. – У меня там есть один приятель, Артем – реальный пацан, – так он толковее всех этих болтунов из вашей Академии. Он тоже считает, что чем меньше всякой мишуры и вранья, тем лучше. Правильная жизнь должна быть простой, – он подчеркнул последнее слово. – Безо всяких этих культурных наслоений, болтологии пустопорожней... Чтобы каждый мог видеть ее истинную цену. А цена ей – копейка.

«Украл-выпил-в тюрьму, – пренебрежительно подумала

я, но на этот раз сумела промолчать. – Ну и идеал. Еще хуже, чем у Рыжика. До чего же все парни примитивные...»

– Так это, наверно, тяжело – тачкой ворочать.

– Тяжело? Ну и хорошо. Реально мускулы укрепляются, безо всяких тренажерных залов... Тебе пельмени с солью или с кетчупом?

«Мне в чистой тарелке», – мысленно попросила я. Но пришлось есть из такой, какую дали. В гостях не привередничают.

Саша накинулся на еду, как будто и впрямь три дня не ел. Меня опять начали одолевать сомнения. Ну не похож он на умирающего, и все тут. О мускулах, видите ли, рассуждает...

– А как же каратэ? – вспомнилось вдруг мне. – Помнишь, ты в том году ходил?

– Тоже бросил, – с полным ртом невнятно сообщил Саша. – Это все детские игры. Хотя разок очень пригодилось...

Я приготовилась к хвастливому описанию побоища во всех его неаппетитных подробностях – парни это любят, – но, как ни странно, Саша больше ничего не добавил.

– Хороши детские игры – кости ломать, – сказала я, прерывая затянувшуюся паузу.

– Все эти единоборства, – Саша взмахнул вилкой, – не стоят одного пистолета. Помнишь, был такой детский фильм, как его – «Индиана Джонс и последний крестовый поход»?

– И что?

– Там был араб с саблей. Он этой саблей и так, и этак, а

Индиана Джонс ему из «кольта» в лоб – бабах! – и дальше пошел. Безоружный против человека с пистолетом ничего не сделает, будь он хоть супербоец.

– А у тебя теперь есть пистолет? – с любопытством спросила я.

– Если бы, – огорченно сказал Саша. – Лицензия нужна, а мне хрен сделают. Я бы на черном рынке купил, если б знал, где безопасно. Мне сейчас только засветиться с пистолетом и не хватало. Родители и так столько проблем мне создали... Они ведь только повода ждут! – с ожесточением воскликнул он. – Им только повод нужен, чтобы опять начать докапываться! Никак не могут оставить меня в покое!

Саша замолчал и уткнулся в тарелку. Я тоже молчала, ошеломленная таким выплеском эмоций. Потом встала, положила тарелку в забитую до краев мойку и поставила на огонь чайник.

– Представляешь, мама сказала, что вы переехали.

– Это они съехали, – все еще угрюмо сказал Саша, сдирая упаковку с тортика. – К бабушке. Убрались от меня подальше. Спасибо хоть на улицу не выгнали.

– А что у тебя с ними? Конфликт?

– Кризис доверия. Да ты сядь, не мельтеши, я сам накрою. Торт будешь?

– Буду, – сказала я, в душе довольная – вот и тайна открылась. Саша поссорился с родителями (неудивительно, учитывая, что он бросил школу), и они оговорили его перед мо-

им папой – только и всего. Тем более позорно и возмутительно поведение папы, и я с ним на эту тему еще проведу воспитательную беседу...

Саша поставил передо мной огромную кружку с чаем, отрезал мощный кусок торта. Я вдруг подумала, что он, пожалуй, переменялся в лучшую сторону. Несмотря на запущенный внешний вид и дурацкие мысли о «простой жизни какая она есть». (А, может, и благодаря им). Повзрослел, что ли? И ведет себя по-другому, без прежнего хамства и эгоизма. Явно стал спокойнее, рассудительней... Или ему все пофиг? Еще мне показалось, что он выглядит усталым. Не столько физически, сколько душевно. Но общаться с ним стало определенно проще.

Мы очень славно посидели еще часик, поболтали о том, о сем. Саша оживился и принялся с удовольствием вспоминать детство. Вдруг оказалось, что он прекрасно помнит многие наши игры, вроде «аутодафе» и «ядерной войны», и даже такие, о которых забыла я сама. Раны на животе он мне не показал и обработать не позволил – сказал, что все сделает сам. Поблагодарил за лекарства. Сказал, что на улицу не будет выходить еще дня три как минимум, и попросил прийти с припасами еще раз, денька через два. А заодно купить ему... патроны для ракетницы.

– Да где я их возьму? – растерялась я.

– В любом магазине «Оружие». – Саша написал на бумажке марку патронов и протянул мне. – У вас на Савушкина

вроде был какой-то. Или в «Охотнике и рыболове» на Невском...

Выходя из квартиры, я заметила в прихожей, в углу, странную лопату. Небольшую, остроконечную, на толстом черенке. Лопатка была совершенно новая, даже с ценником. Интересно, зачем она Саше?

На обратном пути, когда позитивные впечатления слегка развеялись, я тщательно обдумала Сашино поведение, и у меня возникло смутное неприятное ощущение, что меня используют. Причем втемную.

Откуда пришло это ощущение, я и сама затруднялась определить. Наверно, прошлогодние воспоминания подсказывали, что Саша не мог взять и резко измениться к лучшему. Есть такая поговорка: «Если вы пришли человеку на помощь, он непременно вспомнит о вас... когда ему снова понадобится помощь». Не про Сашу ли она?

Чем дольше я думала, тем яснее понимала, что Саша о многом недоговаривал. Он так и не сказал, кто разодрал ему живот, что он делал в метро, почему съехали его родители, почему он не хочет выходить из квартиры, хотя физически явно способен это сделать, и зачем ему патроны... А, черт, не так уж он изменился. Только стал хитрее. Раньше он не умел лицемерить, теперь научился. Значит, либо изменилось отношение ко мне... либо его вынуждала лицемерить жизненная ситуация.

Вдруг пришла на ум мысль – может, прежняя Сашина бесцеремонная манера поведения объяснялась гораздо проще, чем я полагала? Просто он не считал нужным со мной притворяться. Кто такая Гелька? Подумаешь, подруга детства, почти сестра, чего там с ней миндальничать! А что теперь?

В общем, окончательно запутавшись в попытках проанализировать Сашино поведение, я вернулась домой и снова надела на маму.

– Как вам не стыдно! Только из-за того, что человек не находит общего языка с родителями – вышвыривать его из дома?! Папа вел себя как бандит, а ты ему даже ни словечком не возразила!

– Господь с тобой, ты о чем, Гелечка?

– О Саше Хольгере! И нечего притворно вздрагивать! Мало ли как человек видит свою дорогу в жизни? Может, у него призвание такое – работать на стройке!

Мама покачала головой.

– Такую дичь несешь – слушать противно.

– А что ты можешь мне возразить по существу?!

– Неужели ты правда не знаешь, что случилось с Сашей?

– Знаю – он бросил школу.

– Ох, Гелечка – дело совсем в другом, – и мама выразительно постучала согнутым пальцем себе по лбу. – У него... *это*.

– На себе не показывай, – автоматически сказала я, а по-

том до меня дошло. – Что – крыша течет?!

– У Саши Хольгера серьезные проблемы с психикой, – раздельно произнесла мама. – Наташка, конечно, ничего мне не говорит, но я так себе представляю, что у него шизофрения.

– Ой, блин...

– Думаешь, почему Хольгеры переехали? Они его боятся.

Я не нашлась, что сказать. Не фига себе новость! Даже как-то не верилось...

– А вылечить разве нельзя?

– Где?

– Ну, – я чуть не ляпнула «в дурдоме», – в какой-нибудь больнице...

– Да ты что! Психиатрия – это же клеймо на всю жизнь! Ни на хорошую работу, ни в институт со справкой не возьмут, – мама вздохнула. – Наташу с Игорем жалко. Они все думают – может, какой-нибудь возрастной кризис, само пройдет? На чудо надеются. Только ведь не пройдет. Если уж *это* появилось, то все, тушите свет. Твой папа говорил Игорю – немедленно вызывайте санитаров, и на «скорой» – в дурку. И только так. Иначе доиграетесь, он кого-нибудь убьет... и отправится уже не в дурдом, а в тюрьму. И вы с ним за компанию.

– Что, даже *так* серьезно?

Мне стало страшно. Ого, какой опасности я сегодня подвергалась! Домой к нему ездила! Чай с тортиком пила! О бо-

же – да я, оказывается, чудом уцелела!

– Ой, мам... Вот это да! Чего ж вы мне раньше не сказали?

– Мы думали, ты знаешь.

– Нет – все знаю и назло его сюда привела! Мам, ты сама как проснешься! Неужели так сложно было сказать мне прямым текстом – «Саша Хольгер – псих!» Разве я бы тогда рискнула...

В последний момент я умолкла, сообразив, что чуть не проговорила о своей поездке. Но мама ничего не заметила.

– Неужто о таком вслух говорят? – с горечью сказала она. – Такое же таят от всех! Что с ним случилось, что спровоцировало сдвиг в мозгу, никто не знает... – мама подумала и убежденно сказала: – Это все на почве полового созревания!

– А в чем конкретно выражается?

Мама пожала плечами.

– Наташка говорила – агрессивный стал, вспышки бешенства, все какие-то враги ему мерещатся... В общем, как ее... мания преследования. Она ведь не вдруг началось. У Саши давно были проблемы, уже несколько лет, исподволь накапливалось, и вот – прорвалось. Как его из художественного училища выгнали, так и покатило. К школе потерял интерес – по-моему, бросил, если не выгнали, – работал на каком-то заводе, его и оттуда выставили... А потом уж пошла настоящая клиника. Наташка говорила, такой бред нес – слушала и пугалась до полусмерти. Об аде, о конце света, о демонах... – мама понизила голос, хотя в комнате были только

мы двое. – А кончилось все тем, что к нему начали черти являться... и он с ними принялся воевать. Ну, тут уж потеря контроля над собой пошла, стало все ясно...

– Кошмар, – пробормотала я.

Что-то не складывалось. Я вспоминала Сашу – какой он был сегодня – и не могла поверить, что это все о нем. Конечно, психи иногда мастерски маскируются под нормальных. Еще я читала, что иногда они нормальны во всем, кроме своей мании. Бывают периоды обострений – например, каждое полнолуние...

Нет, я верила маминым словам. Но пару раз прежде я видела настоящих психов, и они были *другие*. Я могла точно сказать – психа заметно. В них всех есть что-то общее – жуткое. Рядом с психом страшно и неприятно находиться, даже если он ничего не делает, и не обращает на тебя внимания. Это похоже на боязнь заразиться. Или дело в опасении, что псих причинит вред?.. Не знаю. В общем, то больное, разрушительное, что сидит у них в голове и выглядывает наружу, пусть даже самым краешком, для нормального человека инстинктивно отвратительно.

А с Сашей я пообщалась полдня, но ни разу ничего подобного не ощутила. И даже определенно могла сказать: новый, сегодняшней Саша – исхудавший, замученный, но собранный, как бы хранящий какую-то тайну, – мне нравится больше, чем тот прежний самодовольный, бесцеремонный хмырь, каким он был в пятнадцать лет.

«Но с другой стороны, – вдруг подумала я с внезапным сомнением, – Зачем он просил привезти меня патроны для ракетницы?»»

Глава 12. Встать лицом к страху

– Да – именно ночью, именно пешком, именно через котлован!

– Ты... с ума сошел!

Мы стояли на границе Хоразона и ругались. Прямо перед нами величественно заходило солнце. Пятно Страха отбрасывало рваную черную тень, похожую на огромное крыло летучей мыши. Новостройки города-призрака уже светились тысячами огоньков.

– Так же нельзя! – возмущалась я. – Кто из нас педагог – ты или я?! Тебя чему в Академии учили? Сначала надо исследовать вопрос, собрать сведения, навести справки. Я считаю, перво-наперво необходимо поехать в Академию и поднять базу данных по всем мастерам реальности, которые выпустились в Петербурге за последние пятьдесят лет. Особенное внимание уделить тем, кто родился на Комендантском аэродроме...

– Нет, – оборвал меня Джеф. – Никаких архивов. Девочки, давайте не будем создавать искусственные трудности.

В серой спортивной куртке-ветровке, с надвинутым на лоб капюшоном, с фонариком на эластичной ленте, он напоминал легендарного Белого Спелеолога – пещерный призрак, который заводит туристов в лабиринт пещер и бросает там умирать от голода и жажды.

– Поскольку сами вы оказались не в состоянии породить ни единого варианта решения задачи, пришлось напрячь мозги мне. Я хорошенько обдумал наш вопрос и, естественно, нашел ответ, – он говорил таким тоном, словно объяснял таблицу умножения второклассникам. – Вообще-то, его должны были найти вы. Но, пусть я дело на самотек, мы провозились бы с практикой все лето. А у меня через две недели отпуск. Поэтому придется вам подсказать. Естественно, в Академию доложу, что вы доперли сами...

И Джеф загадочно замолчал.

– Не томи, – не выдержала я. – В чем разгадка Пятна Страха?

– Решение задачи, как это чаще всего и бывает, заключается уже в самом ее условии, – с апломбом заявил Джеф. – Точнее, в названии домена. Вся защита этого котлована построена на одном-единственном эффекте – на иллюзорном страхе. Причем сделано весьма примитивно. Страх темноты – генетический, плюс боязнь пропасти, бездны, хотя на самом деле тут максимум метров двадцать глубины – это уже из психологии бессознательного. И, наконец, самое важное – экзистенциальный страх человека, стоящего на границе перед лицом неизвестности. Вот, это база. Ну и наверняка еще какие-нибудь незамысловатые приемы...

– Любопытно, – проворчала я. – Но все равно не пойму, почему мы должны лезть в этот котлован непременно в темноте.

– Известно, что максимальной интенсивности страх достигает именно по ночам. Это доказывает, что именно по ночам котлован наиболее незащищен. И потом, у нас есть фонарики.

– В этом нет никакой логики! Джеф, хватит бредить!

– Ты не понимаешь. Не хочешь понять, – теперь Джеф перешел на вкрадчивый тон высокооплачиваемого психотерапевта. – Вся твоя сущность подсознательно протестует против правды, блокирует волевые центры, и это только доказывает, что мое решение – единственно верное.

– Фигня!

– Это задание смоделировано специально для тебя! На основе психологических тестов. Его сущность – преодоление страха. А чтобы победить страх, надо взглянуть ему прямо в лицо. Можно бегать от него всю жизнь, но он все равно настигнет. Ты стоишь, а страх наступает... вот он все ближе... и если ты не дрогнешь, не отступишь... вот вы встретились, и!..

– Что?

– И оглянуться не успеешь, как страх уже позади. Все – он за спиной. А тыходишь в новую область преображенной, ставшей сильнее! Дошло?

– А если не позади? – мрачно спросила я, ковыряя песок носком кроссовки. – А если там реальная ловушка?

– Геля, фи! Даже если и есть, что с того? Ты получила высококлассное образование... И притом, – с насмешкой доба-

вил он, понизив голос, – ты же живой философский камень!

– Я все равно не знаю, как этим пользоваться.

– Неужто не научили? – бросил он с неприкрытым злорадством.

– Да вот представь себе!

– Ну, подруга, вот и учись. Мы же на выпускной практике. Ее цель – пройтись по слабым местам, искоренить последние недостатки...

Я заколебалась. Во многом Джеф был прав. И эта теория насчет преодоления страха не лишена остроумия. Действительно, для мастера реальности поддаваться эмоциям как-то позорно. Будь тут вместо Джефа Антонина или любой другой преподаватель из нашего училища – я бы безо всяких сомнений уже неслась вприпрыжку через котлован сражаться со страхом...

– Но все-таки, – неуверенно произнесла я, – как-то глупо лезть на рожон, вслепую...

– Это у тебя просто паранойя. Представь себе, что перед тобой тренажер. Кстати, я подозреваю, что это Пятно – и есть тренажер.

Я невольно вспомнила Удельный парк. Там тоже был тренажер, что ли? А здоровенные, однако, в Академии тренажеры! Ой, все не так! Джеф опять темнит!

– Где доказательства? Хоть одно доказательство, и я лезу туда первая.

– Доказательства, – Джеф кивнул на котлован, – мы полу-

чим в процессе перехода, и тебе станет стыдно за свою малодушие.

– Что?! Это у кого малодушие?

– Геля, у тебя есть серьезный недостаток. Он называется «трусость».

– Как ты смеешь? Да я!..

– Да, ты, – грустно подтвердил Джеф. – Я давно это заметил. Трусость и стремление спихивать свои проблемы на других...

Пока я пыхтела, пытаюсь найти слова, которые адекватно выразят все мое возмущение, Джеф повернулся к Галушкиной. Двоечница тихо стояла в стороне, в своей черной куртке с острым капюшоном похожая на небольшую крыску.

– А ты что скажешь? Все молчишь да молчишь?

– Ой, я не знаю. Как решите, так и будет, – сказала Галушкина, рассматривая Джефа с каким-то странным выражением на лице.

– Не боишься спускаться в котлован? – прищурился Джеф.

– Нет, – вполне равнодушно сказала Галушкина. – Это же все ненастоящее.

Джеф очень обрадовался.

– Учись, – обернулся он ко мне. – Вот самообладание и бесстрашие, достойные будущего мастера!

«Не достоинство, а тупость!» – подумала я, злая как черт из-за всех этих оскорблений.

И вдруг с удивлением обнаружила, что совершенно не боюсь. Наверно, человек может что-то одно – или злиться, или бояться.

– Ладно уж, полезли, – буркнула я, пока не прошел кураж. – Только одно условие. Джеф, ты идешь первым.

– Да пожалуйста!

И к моему удивлению Джеф, не колеблясь ни секунды, первым направился в сторону Пятна.

Дорога плавно шла под уклон. Сумерки сгущались буквально с каждой минутой. Внезапно погасли все краски, светлое стало блеклым, яркое – темным: это зашло солнце. Откуда-то из глубин котлована напозлали тени, поглощая пространство. В небе появились странные созвездия Хоразона. Шагов через сто я оглянулась и обнаружила, что позади нас – темнота. А впереди, где-то очень далеко – огоньки Пятна Страха.

Джеф включил фонарик, я последовала его примеру. Было совсем тихо, только песок поскрипывал под ногами. Джеф по-прежнему шел первым, световой круг от его фонарика скользил по дну котлована, выхватывая из темноты то булыжник, то сухую корягу, то обломок кирпича. Так я и думала, что гладким котлован кажется только издалека. Одно утешение – дно котлована с каждым шагом становилось все более твердым. Весь здешний песок, скорее всего, нанесло ветром из Хоразона.

За моей спиной слышалось ровное дыхание Галушкиной. Она фонарик не включила – должно быть, ей хватало света от моего.

«Идти навстречу страху, – повторяла я про себя, как закливание. – Компьютерное тестирование не может ошибаться! Не уметь преодолевать собственные эмоции – позор!»

Но страх не отступал, а наоборот, нарастал с каждым пройденным метром. Я ловила себя на том, что вместо оптимистических мыслей о почти сданном зачете прикидываю, сколько секунд потребуется, чтобы добежать до границы домена, у которой мы оставили сумки. И что со мной станет, если я в темноте промахнусь и побегу в другую сторону...

«А что станет, что? – стыдила я себя, старательно игнорируя слабеющие коленки. – Никто не боится, кроме тебя, глупая трусиха – ни Джеф, ни Галушкина! Почему они могут преодолеть страх, а ты нет? Ты что, хуже всех?»

Но взять саму себя «на слабо» не получилось – гордость на пинки не реагировала. Моя неизлечимо трусливая натура во весь голос вопила, что впереди – верная гибель, и надо немедленно, прямо-таки сейчас разворачиваться и бежать.

– Ой, Гея! – раздался вдруг удивленный голос Галушкиной. – Что это у тебя на спине?

– Где?! – я развернулась, подпрыгнув на месте.

– Что случилось? – через мгновение рядом со мной оказался Джеф.

– А теперь – на груди, – Галушкина указала пальцем ку-

да-то в область моей диафрагмы. Я опустила глаза, и, цепенея, увидела, что в указанной области по моей куртке ползет крошечный красный огонек.

Пару секунд все стояли неподвижно, тупо пялясь на красную точку. Потом Джеф опомнился и заорал:

– Все назад!

В тот же миг в темноте взревел мотор, раздался грохот, металлический лязг, и прямо мне в глаза ударил ослепительный свет.

Джеф издал невнятный возглас и бросился ничком на землю, закрывая голову руками. Я хотела последовать его примеру, но тело предательски отказалось повиноваться, и я застыла месте, наполовину ослепшая и парализованная страхом. И только Галушкина, выполняя приказ куратора, во все лопатки рванула в обратную сторону.

К реву мотора добавился грохот и скрежет, и в свете фонарика возникло ни на что не похожее механическое чудовище. Не пытаясь даже сделать шаг в сторону, я стояла и смотрела, как оно надвигается прямо на меня. Пара мгновений, и оно проползло, всего в паре метров, обдав запахом машинного масла и вонью выхлопа. Вернее, не проползло, а довольно быстро проехало, скрежеща и лязгая гусеницами. Танк? Башни и ствола я не заметила. БТР? Чересчур высокий и громоздкий...

– Беги! – раздался откуда-то снизу истерический вопль Джефа. – Ну что ты торчишь, как идиотка!

Тут я очнулась, выключила фонарик, бросилась на голос и шлепнулась рядом с Джефом в еще не остывший песок.

Сзади снова вспыхнули фары, надсадный рев мотора стал громче. Железная хреновина, которая, вероятно, пыталась догнать Галушкину, возвращалась. Луч прожектора шарил по дну котлована, высматривая нас с Джефом. По песку рядом с нами, петляя и прыгая, пробежала красная точка, исчезла в темноте, потом вернулась, как будто кто-то методично обшаривал лазером окружающее пространство. Второй раз точка пробежала гораздо ближе, прямо перед моими глазами, вскочила на спину Джефа и остановилась...

Я зажмурилась и подумала: «Все».

Но прошло несколько секунд, и ничего не случилось. Я приоткрыла глаза. Точки на спине Джефа уже не было, а механический урод светил фарами в другую сторону. Мотор он не глушил и с места не двигался.

Мы лежали еще минут десять, зарывшись в песок. Эти минуты показались мне часами. Не смея шевельнуть и пальцем, я украдкой разглядывала сторожевую махину. Действительно, никакой это был не танк, а что-то вроде очень странного бульдозера. Таких огромных и, прямо скажем, страшных бульдозеров мне в жизни не попадалось. Он напоминал бронированного динозавра и был предназначен для чего угодно, только не для строительных работ. Высотой метров пять, с мощными гусеницами, какие я видела только на танках времен первой мировой войны. Позади поднимался жуткого

вида выступ, напоминающий хвост скорпиона, увенчанный огромным когтем; суставчатые «руки» оканчивались таким ножом, что им можно было своротить целый дом. На крыше торчало что-то вроде спутниковой антенны. На боку возле кабины мне удалось разглядеть белые буквы: «D9»...

Кабины?

Я пригляделась и покрылась холодным потом, хотя, казалось, дальше пугаться уже некуда: кабины не было. Она была даже не предусмотрена. Водитель, разумеется, тоже...

Чудовищный бульдозер, как будто внезапно приняв решение, взревел, окутался ядовитым выхлопом, резко, как спортивная машина, сорвался с места, и с приличной скоростью погромыхал куда-то в глубину котлована. Если бы он взял метров на десять правее, от нас с Джефом осталось бы только два липких пятна.

– Уехал! – прошептала я, не веря нашей удаче. – Скорее, бежим...

– Сказал же – лежать!

Только когда звук мотора превратился в отдаленный рокот, а свет фар растаял в темноте, Джеф позволил мне подняться на ноги и шепотом приказал:

– А теперь галопом – за мной!

И припустил, как настоящий спринтер, в обратную сторону. Через полминуты бешеного подъема вверх по рыхлому склону, постоянно спотыкаясь, еще не отойдя от парализующего страха, я так выдохлась, что даже не вздрогнула, когда

прямо мне в лицо кто-то направил луч фонарика.

– Это вы? – послышался впереди радостный голос Галушкиной.

– Нет, наши призраки, – рявкнул Джеф. – С ума сошла, выключи свет немедленно!

– Ой, простите, Джафар Александрович, я просто хотела посигналить вам, где выход...

Галушкина наконец догадалась направить луч себе под ноги, и метрах в десяти впереди я увидели наши сумки. Мы вышли туда, куда надо.

– Давайте скорее, – добавила Галушкина. – По-моему, сюда опять едет какой-то трактор...

Излишне говорить, что мы оказались возле сумок в три прыжка.

– Пошли скорее отсюда подальше! – тяжело дыша, предложила я. – Еще бабахнет из чего-нибудь!

– Не бабахнет, – сказал Джеф, глядя сверху вниз на ползущие по дну котлована далекие огни. – Это уже мой домен.

Наверно, бульдозер тоже знал, где кончаются границы его территории. Он вернулся на свой боевой пост, остановился метрах в ста от края котлована и заглушил мотор. Фары погасли. Вот так мы чуть не погибли – шли и шли себе вперед, пока не уткнулись прямо в него.

Осознав это, я в бешенстве напустилась на Джефа.

– Что это было?! Как ты это объяснишь со своими теориями?

– Спокойно! Самый обычный трактор. Не исключено, что иллюзорный. А что вы ожидали встретить в котловане – авианосец?

– Иллюзорный?! Вот это – иллюзорный?

– Ну... – Джеф пытался сохранить хорошую мину. – Может, и иллюзорный.

– Так чего ж ты не встал перед ним и не встретил страх с открытым лицом, а? «Вот он ближе, и ближе... и вот он уже позади!»! Кто там валялся в песке, орал: «Бегом! Лежать!»!

– Бульдозер был совсем как настоящий, – подтвердила Галушкина. – По-моему, он собирался нас задавить.

– Все, все! – Джеф поднял руки, сдаваясь. – Я оказался неправ. Даже учителя иногда ошибаются. Но теория-то была красивая, верно?

– Только одно тебя извиняет, – сказал я, остывая. – Только одно! Ты спустился в котлован первым.

Джеф ответил мне легким ироничным поклоном.

– Зато теперь мы точно знаем, – сказал он, – что по ночам котлован охраняется ужасным, зловещим трактором-убийцей...

– Не остроумно. И кстати, – (мне вспомнился Удельный парк), – откуда ты знаешь, что там не прячется еще парочка таких же бульдозеров? Или какая-нибудь иная строительная техника?

– Значит, надо искать другие способы попасть в домен, – невозмутимо ответил Джеф.

– Почему бы не попробовать самое простое – перебраться в Пятно днем, при свете? – язвительно спросила я. – Когда там пусто и нету бульдозеров?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.